

Валерий
ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

●
Любовь на троих

Валерий Зеленогорский

Любовь на троих

«ЭКСМО»

2012

Зеленогорский В.

Любовь на троих / В. Зеленогорский — «Эксмо», 2012

В жизни все перемешано: любовь и разлука идут рука об руку, и никогда не знаешь, за каким поворотом ты встретишь одну из этих верных подруг. Жизнь Лизы клонится к закату – позади замужество без страстей и фейерверков. Жизнь Кати еще на восходе, но тоже вот-вот перегорит. Эти две такие разные женщины даже не подозревают, что однажды их судьбы объединит один мужчина. Неприметный, без особых талантов бизнесмен Сергей Сергеевич. На какое ребро встанет любовный треугольник и треугольник ли это?

© Зеленогорский В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I	5
Не случилось	12
Ночь в «Галерее»	16
Инструкция уходящей	18
Дорогая пропажа	24
Он хотел быть собакой, лежащей в метро	27
Дроби и целое	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Зеленогорский

Любовь на троих

Часть I

С.С. и Маша

Сергей Сергеевич – зрелый мужчина за пятьдесят, у которого пока еще ничего не болит, – жил себе и не мучился.

Спортом не занимался, боролся с весом, но вяло: как только завязывать ботинки становилось трудно, он закрывал рот и не ел неделю, без еды было скучно, но жить можно. Выпивал, как правило, только в пятницу, но иногда и в среду, четверг и понедельник, много не пил, так, двести-триста водочки с пивом было его нормой. По его теории, пить пиво с водкой правильно потому, что пиво дает стремительный результат, выступает как ускоритель, но и выводит алкоголь быстро.

Работу С.С. не любил, смысла большого в ней не было. Он работал вице-президентом банка по связям с госорганами, то есть его работа была выпивать с чиновниками и коррумпилировать их по мере возможностей. Людей этих С.С. знал из прошлой жизни, новое поколение управленцев с ноутбуками было еще циничнее, деньги брали и без застолья, чего время зря тратить, да здоровый образ жизни стал модным.

Платили ему хорошо, денег хватало, – не олигарх, конечно, но конверт он получал очень пухлый, там всегда лежала «котлета» плюс бонус, соцпакет и карта на представительские расходы. Единственное неудобство – это ежедневные обеды и ужины с нужными людьми, иногда ему казалось, что он стал машиной для переработки деликатесов. Он ненавидел суши и морепродукты, а его клиенты любили за его счет съесть дюжину устриц, омаров и прочих лангустиков. Сам он любил водочку, селедочку, огурец и котлеты.

С женским полом С.С. был в состоянии полного и мирного сосуществования. Жену любил, но спал в кабинете уже лет девять. Иногда посещал с партнерами сауны, где можно было получить полный пакет услуг и любовь и оплатить это с корпоративной карты. Любви или хотя бы романа он не искал, хлопотно это все. Глядя на своих знакомых, которые путались с молодыми, он видел, что беспокойство и проблемы с этими кисками нарушают гармонию и стабильность сладкой жизни.

В театры С.С. не ходил, в консерватории тоже, все это было в молодости, тогда он все посмотрел и послушал, а с возрастом стал более избирательным и не давал себя инфицировать глупыми фантазиями. Осталось из старых привычек чтение книжек, которых стало много и которые стали совершенно доступными. Раз-два в месяц он заезжал в кафе-магазин О.Г.И., покупал десять новинок и тем занимал свою духовную плоть. Телевизор почти не смотрел, кроме новостей, – по старой привычке не пропустить очередную гадость государства. Остальное в ящике его смешило: рейтинги, ток-шоу, реклама портили аппетит даже здоровому человеку. Мог посмотреть фильм типа «Крепкий орешек», и все, Ларсов фон Триеров и Вуди Алленов не понимал. Из новых привычек появилась лишь страсть поиграть в автоматы, но только по маленькой, однако иногда мог завестись и просрать немало. В игре была какая-то другая реальность и некая замена оргазма, который уже приходил реже и реже, – видимо, причинное место перекачилось в голову.

Легкие романы у С.С. случались, его любимым контингентом были секретарши его руководителей. Отношения с ними складывались легко, они все любили дорогие рестораны, куда их не водили кавалеры, и мелкие подарки (трусы «Ла Перла», например, с последующей при-

меркой или новый мобильный). Размышляя о том, почему же секретарши становятся для него легкой добычей, он пришел к выводу, что, используя их по назначению, он получал как бы дополнительный бонус в виде того, что он таким способом имел еще и начальников своих. Пустячок, а приятно.

В какой-то поездке в очередной филиал он познакомился в ресторане с девушкой Машей, пришедшей на день рождения подруги по фирме, торговавшей металлом. Платили им хорошо, девушки были материально независимы и за стол могли заплатить сами. С.С. не скучал, он любил один посидеть за выпивкой без разговоров, и сам себе он был интересен. Машу он заметил сразу, было в ней что-то яркое, хотя это был не его тип. Ему нравились невысокие брюнетки с большой грудью и попой стульчиком. Маша была рыжеволосой, без груди, со спортивной фигурой, с тяжелыми ногами, накачанными ездой на велосипеде или катанием на коньках. Смотрела она прямо, без кокетства и ужимок, выпивала аккуратно, пластика ее рук радовала естественностью, и отсутствие выпендрежа в одежде и косметике говорило о том, что девушка психически здорова и не закомплексована. Ресторан был приличным, музыканты играли крепко и пели весь набор русского шансона с энтузиазмом. С.С. танцевать не любил, живот и потеря квалификации лет двадцать назад не поднимали его от стола уже много лет. Выглядеть, как Богатырев в фильме «Родня», ему не хотелось, и он решил совершить поступок, который поразил его своей неожиданностью. Он решил спеть со сцены песню Лозы «Плот», – слова он знал смолodu, а петь он умел и знал это.

В студенческой молодости, на практике, он солировал в эстрадном оркестре «Волны», пел «Червону руту» и «Эти глаза напротив...» и был звездой целой швейной фабрики. После первого выступления главный экономист вызвал его в кабинет и посоветовал ему бросить экономику и пойти в артисты за всесоюзной славой. С.С. был человеком требовательным к искусству и решил не засорять своим голосом культурную пашню. Быстро договорившись с музыкантами, он запел и заметил, что Маша обернулась и слушала, широко раскрыв глаза. После первой песни пришел успех, видимо, страсть прорвалась наружу, по просьбе гостей С.С. спел для Маши «Листья желтые» и «Таганку» и понял, что у него есть свой зритель. Через десять минут объявили белый танец, и С.С. загадал, что, если Маша его пригласит (а он этого страстно хочет), он бросится в пляс, несмотря ни на что. Он знал за собой силу внушения – для того чтобы свершилось, нужно закрыть глаза и сконцентрироваться, повторяя про себя: «Я желаю этого». Он зажмурился и ощутил на своем плече чью-то мягкую руку, и голос с легкой хрипотцой позвал его в круг, он открыл глаза и увидел ее рядом, и запах ее был ему сладостен и приятен. Сам танец он не помнил, только чувствовал ее крепкие и нежные объятия. Он вспотел, нес какую-то чепуху, она почему-то смеялась, запрокидывая голову, шея ее была вся в красных пятнах, волнение ее он чувствовал всеми своими органами. Слияние двух лун произошло одновременно. Танго закончилось, компания Маши переезжала в ночной клуб добавить огня, С.С. попрощался с девушкой, телефон не взял, утром он уезжал в Москву, а пригласить в номер не решился, боялся отказа, самолюбия смолodu было ему не занимать. В самолете он почувствовал, что ему жалко терять это знакомство, но отыграть назад уже было нельзя. На следующий день после приезда он заметил, что Маша не выходит из головы, все гуляет в его мозгах. С.С. был человеком решительным и решил ее найти в чужом городе, имея в арсенале только ее имя и род занятий. Двадцать телефонных звонков – и вот телефон Маши на столе. Короткий перекур, и голос Маши в трубке. Быстро напомним ей вчерашний танец, он почувствовал, что она удивлена его звонку и омерзения у нее он не вызывает. Десять минут разговора с Машей убедили С.С., что надо развивать успех. Он звонил ей каждый день, несколько раз в день, иногда после водочки пел ей в трубку песни, в общем, вел себя не по возрасту и зрелому уму. Через свою структуру он передал девушке мобильный телефон для спецконтактов в любое время. Он убедил Машу прилететь к нему на выходные, и она согласилась без условий. Встретил С.С. ее в Шереметьево и повез в дорогой пансионат, где все было богато

– азербайджанский ампир, так он назвал этот стиль. Люстры муранского стекла, золотая сантехника и много псевдоантиквариата... Ресторан там был советского типа, но готовили чисто и без фокусов. Была царская баня, русская, турецкая и японская в бочках.

С.С. к встрече подготовился, купив в «Дикой орхидее» три комплекта белья «Вулфорд»; объяснил продавцу размер лифчика на глазок и не ошибся. Приехал в пансионат, где его знали как друга директора. Номер был двухкомнатный, с двумя кроватями и общей гостиной, С.С. давал этим понять, что секс не главная его цель, хотя подарок говорил об обратном. Вот такой дуализм с фрейдистской подоплекой.

Сразу пошли обедать, в ресторане был малый зал для VIP-персон, там иногда бывал премьер-министр, который после бани любил здесь пообедать в кругу соратников. Официанты были все из местных, жили в пансионате, работой дорожили и обслуживали старательно. Выучки у них не было, да и не требовал никто – не царя принимаем. У премьера была любимая официантка Таня с шикарной золотой фиксой из золотоподобного металла, она была бойкая, смеялась всем тупым шуткам начальников, юбку носила короткую, размер ее тела был 52–54, ей кто-то много лет назад сказал, что у нее красивые ноги, она не забывает об этом уже лет сорок.

Встретила она С.С. душевно, как старого знакомого, глазом не моргнув на молодую спутницу – выучка была советская, видела она всяких и мальчиков и девочек, семью кормить надо и молчать в тряпочку. Обед шел хорошо, Маша ела с аппетитом, С.С. после водочки шутил, рассказывал истории про артистов, с которыми был знаком, ничего не выясняя у Маши про ее жизнь, – в общем, было тепло и душевно.

После обеда вернулись в номер, где без всякой неловкости каждый лег на свою кровать, и С.С. понял, что *этого* ему совсем не хочется.

Вечером была запланированная баня, что слегка взволновало С.С. – все-таки баня, не оперный театр, надо будет раздеться, а фигурой своей С.С. был всегда недоволен. Но все прошло неплохо, без происшествий, С.С. обратил внимание, что Маша не рассматривает его с подозрением, а наоборот, ей, кажется, нравится, как выглядят бывшие борцы. После бани в номер принесли ужин, пили, много смеялись, С.С. рассказал о себе, почти не скрывая ничего, Маша тоже простодушно поведала о маме, папе и кавалере Пете, который подле нее уже четыре года, она привыкла к нему, но не любит, иногда спит с ним без особого удовольствия, замуж не хочет. С.С. после бани и ужина захотелось спать, и они разошлись по комнатам. С.С. не спал, он не знал, как совладать со своим волнением и определенным желанием. Не придумав ничего умнее, он позвонил ей на мобильный, и они проговорили довольно долго. С.С. решил, что пора дарить подарки, и занес Маше в спальню коробки с бельем, она лежала, закрыв глаза. Вернувшись к себе, он курил и блаженно улыбался. Закемарил и проснулся от света торшера, в тени которого стояла Маша в шикарном прикиде и улыбалась. Вид ее поразил С.С., и он почувствовал, что организм правильно отреагировал на увиденное. Он встал и попытался обнять Машу, но она смущенно увернулась, поблагодарила и юркнула к себе. Давить на все педали С.С. не стал и вскоре заснул сном праведника. Утром после пьянки он всегда был мрачным, неразговорчивым и долго входил в ритм дня. Маша спала, накрывшись с головой, безмятежно, одеяло немного сползло. С.С. увидел ее крепкий зад и ногу, она была гладкой, без растительности, с крупной ступней, тщательно обработанной в салоне. Долго стоял под душем, долго брился, делал это очень старательно, он всегда немного ленился заниматься собой; у них с женой была примета: если С.С. начинал более тщательно следить за собой – значит, появлялся интерес, так было у них в период романа, так и осталось до сих пор. С.С. вставал всегда рано, Маша спала до одиннадцати – он ее не будил.

Проснувшись, она вела себя очень естественно, не смущалась своей ненакрашенности, быстро приняла душ и вышла в халате на завтрак. Через пару часов она уезжала – решили завтракать в номере. Маша пила чай, не болтала, С.С. тоже молчал, смело гладил ее по голове

– вот и вся эротика романтической встречи. Она уехала, С.С. вернулся домой, заперся в кабинете и стал ждать, когда она приземлится и можно будет услышать ее голос, – картинка с ее лицом в голове не проходила, видео было, а звука не было. Прошел уже час после прилета – телефон молчал, два часа – телефон молчал, он стал лихорадочно звонить в аэропорт, со страхом думая об ужасном. Но самолет успешно прилетел, он позвонил ей домой, дома ответили, что ее нет, будет завтра. Телефон молчал, всю ночь он не спал, рисовал страшные картины, дождавшись утра, позвонил ей на работу, услышал ее голос и вместо облегчения начал орать. На том конце провода были не готовы к такому повороту и после небольшой паузы ответили громко и отчетливо: «Пошел ты на хуй, чего орешь». Это его как-то успокоило. После сумбурных объяснений выяснилось, что была у подруги, телефон забыла включить, а отзвонить забыла, была в ней, оказывается, юношеская нечуткость. С.С. еще попытал Машу, в голову ударила ревность, о которой он уже давно подзабыл. Поехал на работу, поболтался и решил выехать в выходные с Машей в Будапешт. Визы не надо, еда хорошая, почти Европа. Опять позвонил Маше – предложил, ей понравилось, она в Будапеште не была.

В пятницу вечером они встретились в Шереметьево, быстро прошли формальности, С.С. выпил пару рюмок, Маша купила какое-то говно в дьюти-фри. В самолете сидели рядом для близости, и близость была школьной. Он трогал ее – она тоже была сплошное электричество. Гостиница была хорошей, кровать одна, быстрый совместный душ, и уже без всяких прелюдий естественно произошло то, чего оба они страстно желали. Потом началось путешествие по большому кругу. Ресторан на Дунае, суп-гуляш в железном котелке, гусиная печень и много-много водки, потом казино, где Маша, как ребенок, ставила, ставила с восторгом и явным удовольствием. Она орала на дилеров, била копытами, С.С. смотрел на нее, радостную и возбужденную, и был счастлив. В середине ночи парочка вышла на улицу и, погуляв немного по набережной, решила слегка добавить. Выбор мест был невелик, и в первой же подворотне подвернулся найт-клуб, оказавшийся приличным стрип-баром с комнатами. Албанцы-секьюрити на входе были слегка удивлены новыми визитерами. Сюда с девушками, как правило, не ходили. Но С.С. было все равно: он был в кураже – редкое состояние, не случавшееся у него уже много лет. Не глядя на меню, что было ошибкой, уселись рядом с подиумом, где на шесте плясали наши бывшие соотечественницы с Украины, Рязани, Молдовы. Маша положила ноги на стол и пила шампанское. Подошла администратор, старая блядь из портовых, и попросила ее снять ноги со стола. На что резонно получила ответ: показывать пизду можно, а ноги нельзя – где смысл? Спорить смысла не было, и им предложили выйти, чтобы не мешать группе индусов наслаждаться прекрасным. Маша своим поведением отвлекала гостей и наносила удар бизнесу. Счет С.С. приятно поразил – стоимость выпивки была астрономической, пришлось платить. В пять часов утра уставшие, но довольные, они вернулись домой, замертво упали в постель без сил.

Силы вернулись в семь часов утра, и С.С. нежно и бережно свершил задуманное еще в стрип-клубе. Он встал, ушел в город, было тихо, у вокзала он выпил кофе с булочками, восхитительно вкусными и свежими, зашел на рынок, купил фрукты и букет желтых роз, ровно 21 штуку. Вернулся в номер, оставил это и пошел в бассейн для бодрости. Часов в десять он вернулся, Маша открыла глаза, увидела цветы и фрукты, и радость ее захлестнула сердце С.С. Потом был еще целый божественный день и еще одна ночь, они не разлучались, были рядом все сутки, вернулись в Москву и разъехались по домам. Через несколько дней Маша позвонила С.С. и сообщила, что приезжает в Москву на выставку и десять дней будет здесь. Новость была оглушительной, предвкушая встречу, С.С. спланировал все по-взрослому, снял номер в «Паласе» на десять дней, а дома сообщил о длительной поездке в составе делегации банка. Собрал вещи и переехал в «Палас», где зажил с Машей на полную катушку. Днем она была на выставке, зато вечером и ночами она принадлежала ему. Он радостно делился с ней всем, чем мог и умел. Кормил ее всегда в новых местах, покупал ей книги – она в этом плане была

стерильна, – два раза посылал в театры на модные постановки, в Большой и Ленком, ходил с ней в кино, в караоке-бар, и каждый день в казино, где оба радовались, выигрывая, и бесились, если оставались в проигрыше. Много лежали, узнавая друг друга. С.С. чувствовал себя хорошо, и секс, получаемый в таком количестве, только его окрылял. Все было так хорошо, что становилось страшно от такого счастья.

За день до отъезда С.С. не пошел на работу и ждал в гостинице свою девочку с легким нетерпением; чтобы время шло быстрее, он спустился в ресторан слегка выпить и скоротать время. В холле он наткнулся на знакомую секретаршу, перешедшую в другую контору. Воспоминания о ней остались приятными, и он позвал ее перекусить в ресторан – она всегда любила покушать даже про запас, выбирала долго, хотела всего и много. Выпивая с ней и болтая ни о чем, он неожиданно напился и потерял бдительность. Телефон звонил, он не слышал, телефон брала бывшая знакомая и из вредности говорила Маше, что С.С. занят, подойти не может. Сколько длилось это, С.С. не помнил, когда он пошел отлить, он заметил в холле Машу, которая с хмурым лицом пила чай и смотрела на него бешеными глазами. Она, оказывается, наблюдала за ним и этой сукой, но подойти не желала. Он что-то объяснял ей, говорил, что эта баба ему никто, но голова его работала не очень. Он вернулся к столу, чтобы рассчитаться, но как-то завяз за столом, телефон звонил, тварь опять говорила Маше неприятные слова, все шло не так. В конце концов Маша подошла к столу, взяла С.С. за рукав и стала уводить его в номер. В номере он заснул по пьяной привычке, и когда проснулся в два часа ночи, он увидел Машу, которая пила вино и плакала. Он не любил плачущих женщин и начал орать на нее, что она дура, что та тварь ему никто, что он любит ее и ее подозрения глупы, и если она не понимает его души, то пусть валит откуда пришла. Маша быстро собрала вещи и пошла к двери на выход, С.С. не удерживал ее. Она ушла, он лег спать, а когда проснулся, с ужасом понял, что он сделал, стал звонить, телефон не отвечал. Той же ночью С.С. покинул пустой номер и вернулся домой с подарками, купленными по дороге из гостиницы. Заперся у себя в кабинете и звонил, звонил, но абонент был недоступен. Весь день телефон Маши молчал, и только вечером раздался звонок, и родной голос сказал: «Это я»; С.С. стал говорить срывающимся голосом, что он мудака, что все не так, что он скучает и готов приехать к ней хоть сейчас. Что-то растаяло в воздухе, и погода в их совместном мире наладилась, как бывает после грозы или страшного ливня. Она тоже ругала себя за несдержанность, но это было уже не важно. Они перезванивались ежечасно, шептали друг другу слова на птичьем языке, понятном только им, строили планы новогодних праздников. С.С. сдуру пообещал Маше поехать с ней в горы на лыжах, которые он не признавал, а уехать не смог, дома его бы не поняли. Обещать было, конечно, глупо. Он с трудом объяснил, что поехать не может, а придумает что-нибудь потом на Старый Новый год. Маша решила планов не менять – поехать с подругой на неделю в горы, а потом уже по программе, нарисованной С.С. Перед Новым годом в аэропорту Шереметьево он подарил ей подарки и стал ждать ее возвращения. Она звонила ему, отчитывалась, как провела день, целовала его в трубку. Потом была какая-то суета, дел не было, играл в автоматы, выпил, поехал домой и позвонил Маше. Что-то в ее голосе ему сильно не понравилось, это была Маша, но не наша. Разговор был коротким и очень скованным, как бы под контролем. Он позвонил еще раз и стал говорить, требуя объяснений. То, что он услышал, убило его. Маша зомбированным металлическим голосом сказала ему, что больше они не встречаются, она встретила человека, он предложил ей выйти за него замуж, уехать в Италию, и это будет хороший выход для всех. С.С., не веря своим ушам, стал орать, что она тварь, что она не может с ним так поступать, что это невыносимо, но голос на той стороне был холодным и непробиваемым. Водитель, который вез С.С., решил его утешить и сказал, что «все они бляди». Они приехали к дому, С.С. был растерян, черная туча была в его голове, он все звонил, орал, выбирал самые отвратительные и мерзкие слова, плакал. Они договорились, что она выключит телефон, и он, пожелав ей счастья, пошел домой. Жены дома не было, она была на даче. С.С. выпил с ходу бутылку любимого

«Русского стандарта» – без пива, без закуски, и сидел молча за столом, и набирал, набирал Машин номер, абонент был недоступен. Он попытался объяснить себе, почему все так круто изменилось, почему его любимая девочка так с ним поступила, но никаких разумных объяснений не было. Мир для него потерял цвет, он не спал уже сутки, уезжал из дома, играл, ходил в притон, где девушка, которая должна была своей любовью вылечить его от боли, слушала его бред про дрянь, которая бросила его, зачеркнула его жизнь, убила его. Приезжая домой под утро, он опять пил, звонил, звонил, звонил. Разговаривал о своем горе он со всеми – дилерами, барменами, официантами, нищими, старыми любовницами, они звонили ей со своих телефонов, посылали ей сообщения – телефон молчал. На третьи сутки он решил найти отель, где она должна была жить, – где конкретно, он не знал, ночью приехал в интернет-кафе и стал изучать все места, где катаются на лыжах в Турции, – к удивлению, их оказалось немало, поиски были безрезультатными, и тогда он решил привлечь детективов. В пять часов утра он позвонил в детективное бюро, голос человека, поднявшего трубку, его воодушевил, он быстро рассказал о своей проблеме, человек сказал, что ждет его в десять утра. До десяти утра было еще часа три, дома находиться было невозможно, и С.С. решил пойти пешком, рассчитав, что ходу туда часа два. Мороз был градусов двадцать, шапки у С.С. не было, он давным-давно ездил на машине, но помехой это не стало. Голова горела, как духовка, он шел по ночной Москве, никого не боялся. Шел, шел и звонил, звонил. Дождался десяти утра у дверей конторы агентства. Подъехал старый «Мерседес», оттуда вышел человек в дубленке и ондатровой шапке одного года выпуска с «Мерседесом». По выправке пенсионера было видно, что он из органов. С.С. зашел, охранник проверил его ручным прибором, отобрал мобильный телефон и пригласил в кабинет. Кабинетик был стремный: портрет Сталина, плакат висел «Не болтай!», пишущая машинка и лампа для допросов, – такие лампы использовали во времена «дела врачей». Экс-полковник проверил паспорт, и С.С. в очередной раз изложил свою «одиссею». Он хотел, чтобы он нашел Машу в Турции по своим каналам и дал информацию, где и с кем она. Полковник расспрашивал, но в основном о С.С., и не описывал план розыскных мероприятий. Через десять минут он осведомился у С.С., готов ли тот подписать договор, С.С. ответил утвердительно. Курить он не разрешал, и С.С. попросился выйти на воздух и покурить. После перекура его опять обыскал охранник, и совещание продолжилось. Заплатив первый взнос (полторы тысячи долларов), С.С. понял, что полковник ничего не найдет, и с договором в руках вышел на морозную улицу с полным неверием в широко раскинутую сеть русской резидентуры. До формального приезда Маши остались сутки, нужно было что-то делать, но что, уму непостижимо. С.С. позвонил своей старинной подружке и с воем и воплями расписал ей свое горе, она его выслушала, поохала, попросила в долг долларов восемьсот, быстро приехала за ними, целовала С.С. и плакала вместе с ним минут пять, и уехала дальше в свою счастливую жизнь. С.С. решил пойти в Сандуновскую баню вернуть себе человеческий облик, для чего пригласил профессиональную массажистку тайской национальности – такие уже появились на русском рынке вместе со служанками-филиппинками и английскими нянями. Тайка была маленькая, коротконогая, она не знала русского, и это было прекрасно, поскольку по-английски С.С. мог заказывать только еду, такси и кока-колу. В бане тайка помыла С.С., как мама в корыте в раннем детстве, побрила трехдневную щетину, долго делала умиротворяющий гнев массаж, потом за умеренный бонус сотворила минет с одновременным массажем предстательной железы. Для С.С. это было неожиданностью, но сейчас новое ощущение было не ко времени. Потом они долго пили и ели, т. е. пил и ел С.С., тайка сидела на корточках и меняла тарелки. До прилета Маши оставалось три часа. С.С. опять напился, рассказывал тайке страдания, она слушала и, казалось, очень сочувствовала ему всем своим тайским сердцем. Потом, наговорившись, он заснул под руками нежной тайки и проснулся от звонка мобильного телефона, звонила Маша. С.С. весь задрожал и ответить сразу не смог. Он боялся, а вдруг она перестанет звонить и выключит его, но сделать с собой ничего не получалось, она звонила, С.С. молчал, на двадцатый раз, собрав-

шись с духом, он нажал «Сенд», хриплый неметаллический голос сказал: «Привет». С.С. не смог ответить, онемев и остолбенев одновременно. Маша что-то говорила ему, что хочет его увидеть, соскучилась, любит его, поняла, что ошибалась. Голос у С.С. пропал, он боялся и не верил, что это все о нем, что она обращается к нему, что это не сон, и тут его прорвало, он начал орать в трубку, что она тварь, блядь поганая, и много-много другого, весь груз четырехдневного бреда был выстрелен в трубку, вся боль, ненависть, обида – все было в этом монологе в течение десяти минут. Телефон был выключен, мосты были взорваны, обратной дороги не было. Тайка испуганно жалась в углу, не понимая, что случилось с таким добрым господином. С.С. пошел в душ, где круговые струи должны были успокоить его взорвавшееся сердце. Выпив до этого уже немало, он споткнулся и разбил себе о кафель голову и на некоторое время потерял сознание. Тайка услышала грохот, забежала в душ, увидела С.С. в крови и заверещала, как кузнечик. Приложив мокрое полотенце, она пыталась остановить кровь, понимая, что, если этот белый господин крякнется здесь, в душе, ее вышлют из России, и все ее братья и сестры подохнут с голоду в их тайской деревне возле Пхукета. Но господин, слава богу, открыл глаза и стал судорожно искать телефон. Телефон не пострадал, он опять зазвонил, и Маша с твердой решимостью требовала свидания и продолжала плакать. Голос С.С. ей не понравился, от распухшего носа и выпитого дикция была нарушена, и все последующие переговоры вела тайка, благо Маша знала английский прилично. Она быстро выяснила, что произошло, они обсудили схему лечения и место пребывания тела С.С. Следующий раунд переговоров прошел так же драматично, С.С. орал на Машу, Маша плакала и хотела увидеть его хотя бы на пять минут. Тайка собрала свои манатки, одела С.С., заклеила его нос пластырем. С.С. дал ей пятьсот долларов за моральный ущерб, тайка посмотрела купюры на свет и поняла, что можно будет построить три хижины для семьи и купить мотороллер другу, которого она любила и надеялась женить на себе. С.С. ехал в Шереметьево со злобной решимостью убить эту тварь сразу без объяснений; подъезжая к Шереметьево, он заехал за цветами, чтобы сразу совместить убийство и похороны. Ехали долго, телефон не выключали, выяснение подробностей ее блядского поведения было обстоятельным. Размер члена этого наследного макаронника был самой безобидной подробностью его исследования. Маша говорила, что он ей не понравился, вино заказывал неправильное, шутил скучно, много волос на теле, он весь был какой-то шерстяной. На вопрос С.С. «А какого хуя тогда в койку прыгаешь с гиббоном, тварь?» ответа не было. «Видимо, закодировал, сука рваная», – сказала Маша. «Вот я сейчас приеду и раскодирую тебя, поганка, на всю жизнь запомнишь!»

В Шереметьево у табло стояла его солнце, луна, день и ночь, свет в окне в спортивном костюме, бледная как мел, его девочка. Увидев его с разбитой мордой, она побежала к нему, спотыкаясь и плача, он подхватил ее, они обнялись, целуя друг друга. Потом вышли на улицу и начали второй акт. Во втором акте начало было таким: он отдал ей букет ее любимых желтых роз, а потом сразу ударил по роже, сильно и больно. Она не отстранилась, приняла удар как наказание заслуженное. С.С. потух, сдулся, сторбился и сразу стал старым, с черными кругами под глазами, сбитый летчик – вот так выглядел наш герой. Через сорок минут он понес ее сумку и лыжи, она с красной щекой и желтыми розами плелась сзади. Сил уже не было ни на что. Перед спецконтролем они молча попрощались. С.С. поехал домой, жена была дома, тихо стрекотала стиральная машина. Он поговорил с ней о пустяках, лег в супружескую кровать, поцеловал жену в плечо и понял, что та жизнь уже кончилась, а в этой жизни еще будет много и всякого.

Не случилось

Может быть, правда жизни предполагала бы смерть героя, но жизнь богаче вымысла. В реальности отношения сложились совсем иначе. Ровно на следующий день после отлета Маши в свой город С.С. встал утром с супружеского ложа и стал готовиться к новой жизни, пригласил жену на обед в ресторан «Ле дюк», который она любила. Выпили. С.С., как всегда, выпив лишнее, плакал в голос, пугал жену, сознавая, что это только пьяные слезы, для релаксации. После обеда возникло ощущение пустоты. Непреодолимое желание позвонить Маше, усугубленное выпитым, усилилось, и, набрав заветный номер, он услышал, что хотел.

Ответили ему сразу, после осторожных вопросов о делах все опять взорвалось в воздухе, всплыли претензии по поводу прежних художеств; когда ярость прошла, с трудом пришлось признать, что страсть его не только усилилась, но стала нестерпимой. Приехать к С.С. Маша не могла по работе. С.С. понял, что надо уехать к ней и быть рядом. Взяв отпуск, он улетел на следующий день, сказав, что дней на десять. Встречались молча, с тревогой и радостью, провели выходные замечательно. Маша каталась на лыжах, С.С. лежал в номере и перемальывал в мельнице своей головы все прошедшие черные дни, злился, доставал Машу унижающими подробностями о своих приключениях в ее отсутствие и целовал ее, стараясь сделать ей больно. Проклиная себя за низость, залез в ее сумку, впился в записную книжку, прочитал все записи, нашел телефоны каких-то мужчин и приготовился к допросу третьей степени. Маша пришла с горы, и С.С., выпив для храбрости, стал пытаться ее, кто тот, кто этот. Чем безобиднее были ее ответы, тем большая ярость топила его в желании убить ее. Она плакала и просила его оставить ее в покое, но в конце концов опять был мордобой без тяжелых телесных повреждений, а потом страсть со слезами. Выходные прошли в надрыве и объятиях, и С.С. понял, что уехать не может, что будет жить возле нее. За два дня была снята квартира в старом городе, куплены белье и подушки, телевизор и занавески в ванную. Квартирка была однокомнатной, нежилой, в окна дуло и свистело. С.С. купил скотч и вату и заткнул все щели. Это он научился делать еще в эпоху до стеклопакетов. Маша оказалась неважной хозяйкой. Приходила с работы, они пили дома водку с вареной колбасой, которую жарил сам С.С. Он и мыл посуду, так как тарелок было две, стол в кухне был колченогий, табуретки врезались в голое тело, ели и пили тут же в комнате на коробке от «Сони-Тринитрон», купленного для досуга. На коробке все сервировалось, в пластиковой посуде из соседнего супермаркета. Было холодно, обогреватель тепла давал мало, выпив, накрывались тремя пледами, смотрели телевизор, обнявшись, и все были счастливы. Утром Маша уходила в свою фирму, С.С. проводил свой досуг с рюмкой и телевизором, показывающим три программы, и ждал ее. Днем ходил в магазин, докупал еду и водку и думал, что вот и сбылось его желание, они рядом, он просыпается с ней и засыпает с ней, так будет всегда. Домой он звонил исправно, узнавал новости и опять нырял в свою любовь, под плед к девочке своей, сладкой и желанной.

Прожив неделю в этом ритме, С.С. стал чувствовать, что этот спартанский быт утомляет его; еда на ящике из-под телевизора, незакрывающаяся дверь туалета, щели в окнах и одуряющий запах масляного обогревателя стали раздражать, как нарыв в паху в период его созревания.

Маша была беззаботна, приходила, ела, ложилась к нему, и так каждый день. Трусов и носков у С.С. было достаточно, так что до стирки его исподнего пока не доходило. С.С. это было невыносимо. Чем меньше чистого белья оставалось в шкафу, тем с большей ясностью он понимал, что жить с ней не получится по причинам совершенно очевидным.

Ресурс его счастливой жизни был исчерпан однажды вечером. Мело весь день, а к вечеру задул ветер, который вырвал все нехитрые затычки в окнах, и в комнате загулял такой холод, что находиться в ней было нестерпимо. С.С. бросился на окно с пледом, пытаясь противостоять

стихии. Маша не шевельнулась помочь ему, забралась под одеяло с головой. После того как окно было забито пледом, теплей не стало. С.С. дрожал и крутился, к утру ветер стих, стало теплее, и к С.С. пришло понимание, что любовное ложе тихо плывет к скале, если не принять мер, катастрофа неминуема, он окажется на острове и будет Робинзоном, полным мудаком со своей Пятницей.

Ночью он позвонил жене, она не испугалась, поговорили, С.С. много внимания уделил погоде в доме, спросил, тепло ли, чем очень удивил жену. В доме их было тепло, водитель вчера был на рынке, сын хорошо ест, не болеет, все хорошо.

Утром Маша ушла продавать металл, смеялась, вспоминая, как С.С. бросался на окно, закрывая собой щели, в общем, ничего не заметила.

Днем С.С. позвонили с работы и попросили принять руководителя банка, приезжающего в город на семинар по проблемам инвестиций. С.С. сделал несколько звонков, организовал программу пребывания. Руководитель любил глубинку, здесь он выглядел и красивее и умнее, его пригласили местные власти. Разместились на дачах крайкома партии в добротных домиках с евроремонтom. Вечером была баня с местными авторитетами, членами Думы и прочими представителями региона.

С.С. предупредил Машу, что ночевать не будет, и поехал встречать руководителя в аэропорт. Все было по первому разряду, машины к трапу, мигалки, сопровождение. Быстро в душ, и вот уже в бане весь цвет региона, и руководитель со свитой, и С.С. Местные подготовили сюрприз, были приглашены две группы поддержки. Первая группа – члены женского клуба «Досуг», девушки взрослые, от 30 до 40 лет. Это были малообеспеченные учительницы или социальные работники, уставшие от безденежья и отсутствия мужчин. Они собирались в клубе «Найди свой путь», где их знакомили за тысячу рублей с заезжими орлами. Эти яркие встречи им нравились, приезжие были лучше местных – почти принцы. Бедные золушки осознавали недолговечность романов, но надежду не теряли, да и повеселиться и поесть вкусно удавалось редко. Местная власть видела в таких встречах особый смысл – что-то вроде адресной помощи малообеспеченным.

Во втором отделении должны были приехать стриптизерши для тех, кто любит погорячее.

На даче крайкома был свой ресторан, но для удивления гостей был приглашен персонал нового французского ресторана, гордости столицы края; там делали фуа-гра из свиной печенки, медальоны из оленины, подавали виноградных улиток и омары. С.С. уточнил у метрдотеля, где они берут улиток и омаров, тот не моргнув глазом ответил: «Из Астрахани». Происхождение этих продуктов было туманным, но никто не отравился, слава богу.

С.С. этот ресторан был знаком с прошлого раза. Ресторан находился в здании драмтеатра и носил гордое имя «Шекспир», в том же здании находился второй французский ресторан – «Мольер». Они принадлежали разным группировкам, их объединяли высокий сервис и жесткая дисциплина. В первое свое посещение С.С. приехал в июльскую жару и с гостями пришел в «Мольер», понимая, что он более французский, чем «Шекспир».

Гостей в «Мольере» встречали с душой, заказали все лучшее, особенно удивили С.С. карпаччо из строганины, равиоли на манер уральских пельменей, улитки и фуа-гра, есть которые он не стал, побоялся. Так вот, официанты были во фраках и белых перчатках. Когда С.С. спросил официанта, не жарко ли ему во фраке и перчатках, официант ответил, что это стиль ресторана. С.С. на правах хозяина стола попросил официанта снять перчатки, он смутился и сказал тихо, что он вчера снял во время перекура и получил молотком для отбивания мяса по пальцам за нарушение формы одежды. Снял перчатку, и С.С. увидел черные ногти официанта, по виду как маникюр черным лаком.

В ресторане «Мольер» должны были накрыть к десяти, но руководитель приехал раньше, в девять уже стучал зубами и хотел есть.

Местные быстро принесли водки, вывалили на стол сыр, колбасу таежную, майонез и холодную рыбу, дело пошло, и никто не вспоминал о фуа-гра. Девушки из клуба «Найди свой путь» немного нервничали. Всех рассадили «мальчик – девочка». С.С. досталась женщина – психолог для слабослышащих детей, выпускница питерского вуза, в очках, крупная, со страдальческим выражением лица. Она сразу заговорила о том, что любит Москву, была в Ленкоме, мечтает посмотреть Хабенского во МХАТе и погулять по вернисажу в Измайлово, где она купила фальшивую гжель. С.С. намек не понял и налегал на водочку. За столом выделялись два персонажа – зампред крайдумы и руководитель С.С.

Зампред был талантлив, он раздал всем СД с песнями, которые он записал с оркестром драмтеатра, и сборник собственных стихов о крае.

Это был их совместный проект с начальником УВД, человеком неординарным. Он тоже был за столом и даже прочитал в тосте четверостишие:

В крае порядок, солнце в зените;
Нас не догонишь – мы на коне;
Боль за народ, нет волоките!
Мы на Байкале в самой цене.

Зампред хромал, ходил с палкой с набалдашником, который был украшен резьбой и инкрустацией, сделанной умельцами местной зоны. Ручка палки была стилизована под член слона, и это стало понятно позже.

Второй персонаж – руководитель С.С. – был раскован, гладил сразу двух учительниц и хотел гладить и зав. городской библиотекой, но не доставал до нее и очень хотел, чтобы она подползла под столом и сделала ему минет прямо здесь. С.С. знал о его пагубной страсти, но помогать не стал, в бане все равны, работать надо.

Музыка тоже была специальной. Местный начальник здравоохранения любил «Пинк Флойд», а руководитель банка был старым рокером, вот и звучала «Стена» весь вечер. Учительницы не любили «Пинк Флойд», но молчали, понимая, что Сердючка им сегодня не светит. Часам к двенадцати приехала группа стриптизерш, и две группы поддержки вошли в клинч, сообразив, что не всем сегодня достанутся внимание и ласки. Эта схватка придала перцу ужину. Стриптизерши начали танцевать на бортике бассейна, С.С. слышал, как начальник охраны банка доложил руководителю, что девушки проверены, анализы хорошие, после анализов сидели на базе отдыха без несанкционированного доступа.

Зампред с палкой уже сходил несколько раз в массажный кабинет с учительницами, они возвращались довольные и смотрели на него с нежностью. С.С., который знал, что он перенес инсульт, удивился силе законодателя и представил, что он делал, когда работала и вторая сторона его тела. Поменялась девушка и рядом с С.С., она была еще огромней психолога, уже выпившая, гладила С.С. как куропатку и звала освежиться в бассейн настойчиво и нежно. С.С. быть с ней не хотел, но из деликатности прыгнул в бассейн для бодрости. Туша свалилась на него, и он пошел на дно, закон Архимеда с этой глыбой не работал, вода вскипела вокруг них, и она стала покусывать С.С. за член зубами двухгодовалой косатки, с намерением вместе с членом откусить и ногу. «Челюсти-4» С.С. не понравились, он вынырнул на берег и закрылся с рокером из банка, где они выпили за «Пинк Флойд».

В бассейне был уже полный разгул, включили лазеры, свет был только внутри бассейна, стриптизерши и учительницы изображали русалок, руководители без трусов – меч-рыбу, и все сверкало и сияло. На бортике бассейна скромно стоял летчик-космонавт из второй сотни и без лампасов, он не котировался, неграмотные девушки не признали в нем героя. С.С. справедливость восстановил, объяснил той, на кого запал космонавт, что человек он заслуженный, и

через секунду космонавт без скафандра и трусов был уже в невесомости. Это был его лучший полет.

Устав от этого фейерверка, С.С. пошел спать, позвонил Маше, она была спокойна и мила, он покурил и заснул. Проснулся он в шесть часов, увидел рядом с собой на кровати косятку из фильма «Челюсти» и похолодел. Ее размеры были оглушительными. Она тоже проснулась и сказала ему, что он был замечательным, последний раз ей так хорошо было в Шарм-эль-Шейхе в 96-м, где с ней был араб из полицейского управления. «Ты – лучше», – сказала ему косятка и захрапела. С.С. быстро оделся и сбежал из номера в холл; через полчаса выплыл его руководитель и спросил, как он провел ночь. Врать было бессмысленно. Он понял, что эта шутка его рук дело. Дотерпев до обеда, С.С. сел в самолет делегации и без вещей, не попрощавшись с Машей, улетел домой, оставив ей все, включая телевизор «Сони-Тринитрон».

Ночь в «Галерее»

Раньше пределом мечтаний каждого человека, приехавшего в Москву, было сходить на Красную площадь, в Третьяковскую галерею и посетить ГУМ. Теперь в Третьяковскую никто не толпится, а ресторан «Галерея» пользуется гораздо большим успехом, чем Репин, Врубель и Карл Брюллов. Люди сегодня стали духовно богаче, галерея магазинов Третьяковского проезда очень популярна среди тех, кто может себе это позволить, а особенно среди тех, кто об этом мечтает. С.С. в Третьяковский проезд не ходит, т. к. считает себя человеком социально ориентированным, и Меркурий не его звезда. В «Галерею» он попал на экскурсию в пятницу.

По новому московскому обычаю, когда вы заходите в пустой ресторан, то хостесс – человек, встречающий гостей, спрашивает вас: «Резервировали ли вы стол?» Тупее вопрос, чем этот, в пустом ресторане мог быть только: какого цвета трусы он надел? Этот вопрос для С.С. был очевиден, после «семейных» до перестройки он всегда носит черные боксеры одной марки немецкого производства, русское название фирмы «Хозяин». Пятница – большой съезд гостей в «Галерее», все занято – зал, диваны, двор. На входе С.С. спросили, ждут ли его, оценив его дресс-код на крепкую четверку, он прошел в зал не глядя, сразу оценил: стандартная ситуация новиковского стиля, девушки-охотницы, метро – и гомосексуалы и дядьки с бабками, выбирающие себе перепелку на ужин. «Зал ожидания», как метко заметил один плейбой, недавно разведенный со старой женой и перешедший в разряд завидных женихов Москвы.

Заказав себе водки с пивом, С.С. понял: эта стоянка не для него и есть здесь он не будет. Принесли счет, С.С. никогда не проверял счета, он знал, сколько чего стоит. Счет за водку и пиво был непомерно большим, официант наглого халдейского типа уточнил, что в счете все правильно: водка, пиво и вино для тех трех девушек за 250\$. От такой наглости С.С. просто оторопел: так не поступали даже на Ленинградском вокзале в советское время самые проворные, которые обсчитывали пьяных командированных. С.С. предполагал, что это не повод грузить его только потому, что он незнакомый и пьяный. Вся халдейская рать напряглась и хором извинилась. Впечатление от посещения осталось мерзким, еще раз подтвердилось правило: не было в Москве звездных ресторанов и пока не будет. Попытки есть, но количество бьет класс.

На следующей неделе в уик-энд С.С., давно обещавший Маше провести выходные вместе, все-таки решился. Маше хотелось в живописное место с художественным уклоном и, конечно, комфортабельное.

Товарищ С.С., врач-гинеколог в прошлом, а ныне специалист по VIP-туризму для очень богатых, дал наконку, что рядом с усадьбой Абрамцево местный предприниматель построил гостиницу «Галерея» в стиле древнерусского зодчества, слегка смахивающего на стиль Третьяковки.

Приехав в Абрамцево, поселившись, пошли обедать. Все как всегда – пиво, водка, селедка, воздух свежий, места живописные, рядом усадьба, счастье и радость вокруг. На ужин то же самое, плюс колоритный музыкант сыграл любимые Машины песни – совсем недорого. С утра прогулка в усадьбу. Было еще рано, но милиционеры за сто рублей разрешили прильнуть к культурным истокам до открытия. Миф о величии русского капитализма растаял как мираж. Дома Мамонтова и Аксакова – старые деревянные, без удобств. Хозяева собирали в гости цвет русской живописи, те за еду и ночлег творили шедевры. Выглядела сейчас усадьба бедно, все запущено, но скромность быта людей того времени и их умение достойно, не унижая, помогать и способствовать таланту заслуживают почитания и примера. Посещение Лавры в Сергиевом Посаде Маша запланировала заранее: она поставила несколько свечек за свои тайные ожидания. С.С. в храм не пошел, пьян был с вечера, не хотел своей харей оскорблять прихожан в канун Троицы, курил на улице перед входом. Потом крепко пообедали. В городе был праздник, шла колонна нарядных людей. С.С., выпивший, был раскованным и проходящим мимо колон-

нам выкрикивал лозунги. Компании сотовой связи и коммуникационных услуг он крикнул: «Долой Интернет, нет зомбированию молодежи». Местному филиалу американской компании со звездным флагом: «Янки, гоу хоум!» – хотя в колонне были все местные посадские люди. В финале парада шла швейная фабрика в бразильских (по представлению местных швей) костюмах, особенно яркой была платформа участка пройм и пуговиц; женщины там были крупные от сидячей работы, но выглядели в бикини неплохо. «Нет сексу и насилию в семье!» – выкрикнул пьяный С.С., и тут же майор, охраняющий порядок, попросил его показать документы. Документы были в порядке, и его выступления как массовые беспорядки зафиксированы не были. Потом играли в автоматы, ели суши, посетили ювелирный магазин, где С.С. купил Маше кольцо, крутое, но не очень дорогое, он давно объяснил ей, что драгоценности ничего не стоят, когда их продаешь, поэтому нужно покупать фуфлю и выдавать за фирму. Вернулись с прогулки в гостиницу и пошли в баню. С.С. баню не любил, но пошел – был обещан банщик, который сделает из него нового человека. С.С. давно собирался, но стеснялся доверить себя лечить постороннему человеку, а тем более мужчине. Банщик был настоящий виртуоз, он сделал все так здорово и аккуратно, и С.С. доверился ему как врачу и почувствовал после часовых упражнений себя другим человеком. Маша парилась обстоятельно, С.С. слегка нервничал – она парилась без верха, но банщик был корректен и, со слов Маши, не прикасался к ней. Потом, на заключительном ужине, С.С. был умиротворен, они с Машей много пили, говорили о жизни, С.С. не обещал Маше, что сделает ей ребенка, и она не плакала в очередной раз по этому поводу, видимо, смирившись со своей неосуществимой мечтой. Она потеряла бдительность и не заметила, как выпила большую бутылку красного.

После ужина они пошли в казино, где удача отвернулась от них, они отчаянно проигрывали, Маша кричала в адрес дилеров, особенно ей не нравилась одна девушка в очках, она выглядела серой мышью, слегка подкусанной старым котом, местным управляющим казино, который драл ее на столе для покера в отсутствие клиентов, которых здесь было мало. Маша выпила еще бутылку, и ее координация напоминала замедленный фильм о слепых, гуляющих по карнизам на фоне индустриального пейзажа. С.С. срочно эвакуировал Машу в номер, где она сразу заснула, но вскоре стала орошать окрестности всем, что она выпила и съела. С.С. знал за ней этот грех, но не уберег из-за увлечения игрой. Маша летала между ванной и спальней, и С.С. только уворачивался от этого цунами. Часам к трем она затихла, оставив на поле боя все халаты, полотенца в красных пятнах, эта мода пить красное в России как-то не приживается. С.С. захотел с пьяной Машей совершить акт, но тело ее не открывалось, инстинктивно ее организм закрыл предусмотрительно все отверстия. С.С. загрузил, спать не хотелось, укрыться нечем – все изгажено вином. Днем в период праздничного подъема С.С. в шутку предложил Маше сыграть вечером в игру: он дает ей 400 долларов, и она сыграет девушку по вызову со всеми вытекающими. Маша обиделась и сказала, что она не проститутка и играть эту роль ради него и за деньги не будет. Она не любила ролевые игры и к сексу относилась серьезно и обстоятельно. И вот финал: ночь, бездыханное тело, ничего не оставалось, как идти в казино сражаться с демонами. Демоны, как всегда, победили, минус 600 долларов, следствие недостаточного полового воспитания нашей молодежи. Утром, проснувшись и быстро собравшись, «пара гнедых, запряженных зарею», покинула «Галерею». А так все хорошо начиналось, сторониться надо искусства, быть ближе к правде жизни. Следующий уик-энд планировался в пансионате «Связист».

Инструкция уходящей

С.С. заболел после всех передраг с милицией, с нервами, после этого все как-то порушилось в один момент. Он не лечился, боль не терпел, но последнее время часто стал чувствовать себя плохо, шумело в голове, раздражение нарастало без причины, доставалось всем – и семье, и Маше, которая сжалась в комок и не понимала, что происходит. Когда человек пьет каждый день, у него каждое утро шумит в голове, понять, что это давление, непросто. Лето было жарким, кондиционер был единственным спасением. Месяц назад, вспоминал С.С., он стал ловить себя на том, что ждет каких-то неприятностей, откуда, какого свойства – было непонятно, но тяжесть предстоящих проблем давила не переставая. С давних пор С.С. чувствовал спинным мозгом предполагаемые неприятности. Повлиять на судьбу никак нельзя, но подготовиться и собраться удавалось почти всегда. В этот раз судьба нанесла уже двойной удар, повышение давления и страх смерти был первой волной этого цунами. Вторая волна накрыла С.С. с головой, Маша стала растворяться в воздухе медленно, но неотвратно. Он стал замечать, что звонит она реже, приезжает нечасто. Мотивы для не встреч были объективными: семейные обстоятельства и нездоровье. С.С. сам замечал, что перестал держать руку на пульсе, пропускал дни без звонков, Маша тоже пропускала сеансы связи, редкие встречи были недолгими, часто возникали паузы, молчание, отсутствие радости от взглядов, объятий, иногда встречи были просто очень коротки, и даже возникало облегчение от несоответствия встреч желаемой радости прошлого буйства. Дел много, суета, всякое бывает, все устроится, опять накатит, и будет, как всегда, праздник души и тела. Были в прошлом уже планы переезда в Москву, житие рядом. С.С. все тормозил принятие решения, боялся сложностей, проблем. Маша просила поискать квартиру рядом, злилась, нервничала, а потом резко закрыла эту тему и больше к ней не возвращалась. С.С. стал часто грубовато шутить, что стал стар, потерял стержень, пора, девушка, тебе замуж, пора дрейфовать в сторону молодых и здоровых, хватит жить рядом, клевать крохи с чужого стола, и так убедительно он это делал, что Маша стала принимать все за чистую монету, и постепенно эти мысли стали ее собственными. Она и вправду устала жить на сдачу, на объедки, где ее желания, планы, личный интерес в расчет никто не брал, все крутилось вокруг С.С. – ее солнца, ее планеты. Маша устала крутиться в его орбите и стала тормозить. Каплей, раздавившей ее окончательно, стала запланированная поездка на отдых, обсуждавшаяся уже целый год: вот придет лето, семья уедет, руки будут развязаны. Маша облазила весь Интернет, отсмотрела тысячи отелей, пляжей и островов, варианты были хороши, но С.С. лениво отвергал каждый выстраданный маршрут, отработанный во всех тонкостях. Когда наконец решение было принято и осталось подтвердить только бронь и оплату, возникло препятствие в лице семьи: товарищ пригласил на яхту по островам и побережью Италии, отказаться С.С. не мог, Маше путано объяснил, что придется отложить желанную поездку, она в очередной раз утерлась, проплакала две ночи, страшная усталость и боль дали неожиданный результат – через неделю боли и мороки пришло твердое решение прервать этот бесконечный бег за удаляющимся миражом. Виду она не подавала, звонила по инерции, ну а внутри что-то вылетело, с корнем вырвался груз ожидания и зависимого состояния. Она собрала волю, организовала свою неделю жестко и планомерно. Понедельник – шейпинг, вторник – бассейн, среда – баня, четверг – салон и подруга с вином, пятница – воскресенье – дача, семья, воздух, здоровый образ жизни. С.С. в ее жизни не было – формально он был, звонил, звал в гости, Маша отказывала, он не настаивал, жил своей жизнью, утешал себя тем, что все по-старому: Маша у него есть, он в любой момент может дернуть ее, она прискачет, утешит, даст энергию и уедет к себе в свою жизнь, в свои проблемы, в свой мир, где он есть и будет всегда, пока он этого захочет, все простит, стерпит, схавает и утрется. Ни подвоха, ни намека на раздразни он не чувствовал, спинной мозг не сработал, видимо, гибкость была потеряна с

возрастом, да и готовиться к краху не всегда охота. Сергей Сергеевич маялся давлением, Маша прилетела на пару дней, пыталась успокоить, но нездоровье и страх не давали радости, хотелось спрятаться, не показывать немощь, ограничения: пить нельзя, играть нельзя, все нельзя, Маша рядом даже раздражала. С.С., не умеющий терпеть, был резок и желчен, говорил гадости, гнал ее: уходи, ищи другого, не люблю, сил нет. Она расстраивалась, не понимая по молодости, что это не правда, а только реакция на страх перед неведомой болезнью и дискомфорт от неприятных ощущений. Слова эти ранили ее, били наотмашь своей жестокостью и несправедливостью, хотелось ответить тоже больно и метко, но совесть не позволяла мучить больного, бесконечно близкого человека. Он долго и длинно конструировал ей новые подходы ее новой жизни без него, с новыми людьми, говорил о ее будущих мужчинах гадости, рвал ей жилы, мучил, становился невыносимым, высмеивал ее и их общее, дорогое ей прошлое, бросал комья грязи в ее недетскую любовь, смеялся над ее слезами, изгалялся над загубленной молодостью, топтал и давил ее радость. Да, сегодня все не так, как когда-то, да, усталость, нет той остроты, но и отчуждения нет, человек родной, сердце болит. Все рухнет, жить в маете нельзя, жить рядом нельзя, ребенка нельзя! Что же можно, если все нельзя?! Как пробиться к нему, к тому, которого уже нет, жалко обижать, бить, больной человек, мается, но собственная боль жжет немилосердно! Воскресенье пришло с тяжелой головой и общим облегчением. Маша улетала днем, С.С. лежал с таблеткой под языком и ждал двух вещей – облегчения от лекарств и отъезда Маши. Он понимал, что крепко обидел ее, но сил изменить ситуацию не было. Слова, сказанные в запале, он не помнил, относился к словам он легко, к своим, конечно, – чужие слушал, переживал, долго их мусолил, осмысливал, искал подтекст, интонации, глубинные смыслы и тайные намеки. Свои слова в расчет не брал: ну сказал, ну брякнул не подумав, слова не более чем слова. Поступки, действия – вот что важно, понимать это надо, если мозги есть, а если нет, ну так это не лечится. После отъезда Маши дурное расположение не покидало его, он не звонил ей весь вечер, злился, что она не звонит, не спрашивает, как он. По большому счету участия он не любил, не хотел показывать слабость, к ночи давление прыгнуло, заломило голову так, что он понял, что, может быть, дело закончится плохо. Стал лихорадочно думать, как его не будет, страх как-то ушел, он начал думать о простых делах: на сколько семье хватит денег, кого просить за сына и жену, кто реально выполнит его просьбу, где ключ от сейфа и разные разности. Мыслям о Маше места в этих судорожных размышлениях не было, все перешло в плоскость близкую и понятную. Он понял, что он за нее не отвечает, поручений по ее судьбе отдавать некому. Это не поразило его – просто ясно и четко нарисовалось окно, в котором он не видел ее, нечеткий образ уходил, как облако в черное небо. Утро пришло, а вместе с ним и облегчение и ясность, что это не финал, надо действовать, сделав какие-то дела, и к обеду все стало налаживаться. Был врач, утешил, дал советы и уехал. Дома было тихо, чисто и спокойно. Серьезные проблемы физиологического свойства отодвинули переживания о Маше на периферию, где она была в архиве страстей, вместе со старыми фотографиями. Боль физическая и страх отодвинули отношения, место которым в первом круге, как оказалось, только когда все благополучно рядом. Семья, и только это, было его заботой и болью. С.С. уже вторую неделю болтался дома, пил таблетки и был наедине с собой – семья отдыхала в Турции, им было хорошо, С.С. старался их не беспокоить своим состоянием, но остро чувствовал одиночество. Быть одному было С.С. совсем нестрашно, наоборот, новые ощущения без чужого глаза легче осваивались в его голове, сочувствия он не переносил. Сам по природе своей он был глуховат к чужой боли, прятался от нее, внутренне избегал находиться рядом с несчастьем, верил, что неприятностями и проблемами можно заразиться, как инфекцией. Жена всегда упрекала его за нечуткость и полное безразличие к чужому страданию – не важно, подлинному или мнимому. Сочувствовать он не умел, не хотел и даже злился, когда жена жаловалась ему на свои болячки, был нравственно глух и невнимателен. В то же время мог всплакнуть у телевизора по поводу голода в Йемене или Ботсване.

К вечеру стало легче, и он позвонил Маше сам, начал тяжело, потом разошелся, шутил, опять отсылал ее в новую жизнь, к сильному мужчине, который будет всегда рядом. Маша слегка сопротивлялась, говорила, что ей никто не нужен, устала очень любить без перспектив, говорила, что больше никогда не откроет дверь в свое сердце, будет жить просто, без затей, страданий и самоотречения. С.С. между прочим, вскользь, спросил, как всегда, любит ли она его, старого ишака. Через паузу со своей жесткой прямолинейностью она со вздохом сказала, что уже нет, но это ничего не значит, будем вместе, пока получается. С.С. остолбенел, и удущье накатило черной волной. Он на секунду потерял сознание, не веря услышанному. Он, как идиот, переспросил, так ли он понял, и еще раз услышал то, что слышать не хотел и не ждал. Он бросил трубку, успев сказать ей, чтобы она пошла на... Десять минут он проглатывал этот подарок, комом застрявший в голове, и не мог переварить его; как это может быть – после всего, после всех передраг, когда все как бы наладилось, – и все под откос, снова черная мгла, и мозг ищет рациональных объяснений. Решил резко подвести черту, закурил и позвонил вновь, собранный и готовый к решительным действиям и словам. Голос Маши был напряженным и дрожащим, она ответила: «Да», и С.С. без подготовки выстрелил речь, содержание которой он помнит до сих пор слово в слово, как бы выбитой на памятнике могильном его высокому чувству. Он сказал: «Извини за грубость, это больше не повторится, не любишь – не надо, тогда и всех причитаний и фальшивых слов не надо, не надо ничего, обойдемся без сострадания, больше не звони, не ищи, переживем как-нибудь. Есть вопросы или комментарии?» Молчание. «Нет? Очень хорошо, успехов в личной жизни». Конец связи. Связи, конечно, конец не пришел, время еще не подошло, с этим надо было что-то делать, надо как-то разобраться, и С.С. начал опять на своей мельнице молотить в муку свои мысли и искать ответ на вопросы, которым нет решения. Это был второй круг ада, в который он вступил после исторических событий зимой двухлетней давности. Телефон он выключил от страха перед желанием позвонить и продолжить выяснение обстоятельств. Спланировал дела на следующую неделю, чтобы отвлечься от новых реалий, зная, что эти штучки не работают, все-таки подготовился к бою, победы в котором ему не достанется никогда.

Опять, как в прошлый раз, телефон немым укором торчал в кармане и соблазнял новыми звонками, в которых можно было еще и еще раз разжигать пламя ненависти и злобы, добивать близкого человека жестокими словами, правды в этих словах не было, только боль нежеланная. Хотелось позвонить, утешить, узнать, что да как, но рука не поднималась. С.С. ждал ответных действий, слов, слез, утешения, возврата в состояние наличия прежнего трепета и равновесия. Держался он целые сутки, находил себе дела, на телефон смотрел, боялся пропущенных вызовов, их не было, сам не звонил, постоянно крутил в своей мельнице-голове последние слова. «Не любит?» Вот, е.т.м., хорошее дело, а кто право дал, кто разрешил рвать сердце, кто вправе решать твою судьбу своими мерзкими ощущениями? Не имеешь права, сука драная! Злоба душила, но внутренне он понимал, что решение ее не блажь, не желание обидеть, а выстраданная боль, усталость и желание успокоить себя, жить без надрыва, без болезни душевной, спасти себя, наконец, от внутреннего раздрая, тянущегося уже так долго. Отношения двух людей имеют свою логику, они должны чем-то завершиться – браком или разрывом. Есть срок любви, как и всякому процессу. Если нет хорошего финала, как в Голливуде, будет плохой – как в жизни. Цивилизованно заканчиваются отношения в плохом кино и в ток-шоу, а в реальной жизни все грязнее и материалистичнее. Хорошо, если просто дракой, слезами и временной ненавистью. А если дурной сценарий, суицид, кухонный нож или скалкой по голове? Ненависть и отчаяние, пока больше ничего в С.С. не было, хотелось убить и забыть. Страстно хотелось узнать, как она – что чувствует, жалеет ли об утраченном, мучается, желает ли все вернуть, покаяться, попросить униженно, все отыграть назад? Назад! Не выйдет, сука! Сдохнешь в тоске, поймешь, тварь, чего лишилась, ответишь за свою гнусность! Может, тебе еще шубу подарить за примирение? Хуй тебе в морду! Других ищи лохов! Разводи их! Тут больше не

обломится, хоре! Злость проходила, С.С. понимал, что его жестокие сценарии – это только боль и реакция на потерю; какие шубы, в них ли дело, за покой и радость меховой фабрики не жалко. Телефон молчал, С.С. сам крепился, не звонил, пьеса еще не сыграна, и в каком она акте играет, он не знал. Терпения хватило на два дня, позвонил на третий день, решительно и нервно придумал крепкий повод – отдать мифический долг. Водитель поехал, отдал, С.С. сидел в ресторане, сжавшись в комок, и ждал реакции на пробитый им первым разговор молчания. Спросил у водителя, как это было, как выглядит, ничего особенного не узнал, позвонил опять, якобы проверить исполнение своего задания. Говорил с Машей холодно, отрывисто, пытался прочитать в родном голосе отношение к себе. Проанализировать ничего не удалось, сеанс был кратким и, кроме напряжения и раздражения, ничего не принес. Злобы и ненависти в нем уже не было, он стал думать, что пересиливать себя ни к чему – зачем возводить барьеры там, где не надо, зачем эти условия необщения, когда жизнь превращается в ад, к черту борьбу самолюбий, ведь родной человек страдает, сам страдаешь, к чему эти детские игры в обиды, когда точно знаешь, что причины для обид есть, человек не железный, не каменный, и предел упругости кончается, устает даже металл, но позвонить и вернуть все назад все равно не получается, самолюбие, е.т.м. Вот так сдохнешь и станешь жертвой бодания с собственным «я», ради чего, для чего – неизвестно. Эти дневные ковыряния в себе только все усугубили. Проиграв опять значительные деньги и не получив ни развлечения, ни радости от игры, С.С. ехал домой, разобранный на запчасти. Настроение ниже нуля, давление зашкаливает, в голове сумятица и, как метроном, стучит одна тема. За пять минут до подъезда дома приходит ясная и четкая схема, которая все ставит на свои места. Какого хера нужно ждать? Надо звонить, говорить и не дробить на пустом месте! Звонок, ответили сразу, разговор пошел по нормальному руслу, то да се, дела, какие ощущения, трудно ли в новом качестве, то есть без меня, как здоровье. В ответ тоже вопросительные интонации, но осторожно, не переходящие в сферу личного, разговор двух игроков в шахматной партии, где правил нет и результат известен заранее. Оба партнера боятся вступить на скользкий лед соблазна первому сдать позиции, обнажить свой интерес по отношению к другому, раскрыться и поддаться чувству. С.С. первый дал старт, и слова, сметая друг друга, потекли горячей рекой, растапливая лед двухдневного молчания. Он обрушил на голову бедного маленького человека все свои проблемы и горечь, эгоистично перекладывал их и тем самым освобождал себя от этого груза. Легче ему не стало, а Маше стало еще тяжелее, она тоже жила эти два дня, скрипя зубами, и загружала себя ненужными делами, только чтобы не сорваться и не звонить, не увеличивать боль. Конечно, ей хотелось пожалеть своего мужчину, но сил уже не было, усталость не проходила, его было слишком много со всеми его проблемами, хотелось укрыться на время, перебиться, отодвинуться. Она не совсем искренна была, когда говорила, что не любит, но что с ней случилось, она понимала не до конца, разобраться с собой она не желала, плакать по этим поводам было уже невыносимо, она плакала не в момент обиды, а после, через несколько дней, уже не помня, по какому поводу, но это не уменьшало боль, да и не хотелось ее уменьшать, покоя хотелось и поменять что-то в своей жизни – найти новую работу, сделать ремонт, освободиться от пут зависимости даже от любимого человека, который уже не оправдывает душевные инвестиции. Можно было, конечно, прикинуться, соврать, сделать вид, что хорошо, но актрисой Маша была плохой, сыграть заинтересованность и участие органично было нельзя, да и партнер был не из сельского клуба, не обманешь этого мудака притворством. Но решение надо искать. Маша его нашла, взяла путевку и поехала в Черногорию на две недели. С утра С.С. каждый час звонил Маше, разговаривали они тепло, рассказывая друг другу о своих ощущениях в дни молчания. Маша сидела в аэропорту уже три часа, чартер ее откладывали, она сидела в ресторане и бухала, С.С. звонил не переставая и все говорил с ней, постоянно наставляя ее не выступать, она перенервничала за все эти дни, постоянно влипала в какие-то истории, поругалась с соседками за столом, послала их, они вызвали милицию, ее чуть не забрали, потом уже в невменяемом состоя-

нии во время таможни она наехала на сотрудника, шарившего по ее телу в поисках взрывчатки, она оттолкнула его, обвинив в сексуальном домогательстве, чуть-чуть не забрали еще раз. На увещевания С.С. она ответила: не волнуйся, все под контролем. В конце концов, пройдя все контроли, она еще приняла на грудь и опоздала на рейс после шестичасового ожидания. Скандал с представителями турфирмы и авиакомпанией ничего не дал, людей с билетами оказалось больше, чем мест, и те, кто был ближе, попали в самолет, а некоторые независимые и пьющие в кафе, где есть водка и можно курить, остались за бортом. С.С. успокаивал Машу, что это херня, через неделю будет следующий рейс, можно полететь в другое место и т. д. Маша готова была сражаться с деятелями туризма до крови, телефон ее сдох за целый день разговоров, и с восьми часов вечера абонент был недоступен, дома она не появилась, не перезвонила, и С.С. понял: что-то случилось, и начал искать ее во всех местах. Все службы безопасности аэропорта, банка, местного УВД докладывали ему ежечасно, она нигде не появилась и не звонила. С.С. был абсолютно раздавлен и не знал, что и думать. Всю ночь и все утро С.С. был в напряжении, рисовал страшные картины ужасов, происшедших с Машей, утро и день следующего дня он играл в автоматы, дома сидеть было невозможно, каждый звонок стрелял в мозг страхом, и в полдень раздался родной голос невыспавшейся Маши, которая сказала, что заснула насмерть и не смогла позвонить. С.С. не смог ругать ее за бессонную ночь, обрадовался, что она жива, и они поговорили очень тепло, как раньше, с уходами в прошлые радости, с той неизбывной теплотой, которая стала уходить невидным ручейком из чудного озера прошлой любви. С.С. был нежен, сочувствовал Маше. Раньше бы за это внимание, которого так не хватало, она бы ноги ему целовала, но сейчас уже не грело. Усталость, усталость, и больше ничего. Нужно было что-то решать с прерванным отпуском, и С.С. нашел вариант перелета через Москву, чтобы увидеть Машу хотя бы пару часов. Встреча состоялась в маленьком ресторане по дороге в аэропорт. С.С. волновался, с утра он выглядел нехорошо, болел зуб. Пришла Маша, простуженная, с кругами под глазами, они посидели тихо, без всплесков. С.С. заводил разговоры про свои ночные волнения и поиски, Маша извинялась и останавливала его, С.С. проклинал себя, спрашивал ее, любит ли она его, она злилась откровенно и не скрывала, что тема закрыта, хватит этих мудовых рыданий. Дырка в зубе вместе с дыркой в голове от переживаний холодом отзывалась в сердце С.С. Хотелось услышать долгожданные слова, но вымалывать их не было сил, да и гордость не позволяла. С.С. попросил Машу при прощании обнять его покрепче, Маша выполнила его просьбу как-то не очень охотно, как-то неловко, боком, не как раньше, когда она прижималась к нему всем телом. Он спросил ее: что так? Маша ответила: живот болит. Попрощались вроде тепло, но осадок дискомфорта и унижения не проходил, она отстранялась от него, он чувствовал это кожей, нервами, сердцем, он понимал, что это процесс ухода, наступает разъединение. Он понимал это, но смириться с этим никак не хотел, сам давал себе слово, что поможет ей отъехать на безопасное расстояние, отойти, спрятаться в свою раковину, но не мог, не хотел, не верил, что его лишают привычных радостей и устойчивости, по большому счету его смущало только то, что не он бросает, а его бросают, и в этом была, по сути, головная боль, а остальное – «тщета и ловля ветра», как написано в Книге. До встречи С.С. не находил себе места, Маша не звонила, телефон был недоступен, началось опять помешательство и упреки. Вот тварь бесчувственная! Не понимает, что ли? Люди волнуются! Звонил С.С. не переставая, проверил ее номер – все в порядке. Клял ее всеми словами, готовился ответить резко и пригвоздить безжалостно, все кипело внутри, уроки для этой дуры не идут впрок, отзвонил всем, кому можно, не отвлекало. Ровно в восемь звонок, мирный, усталый голос, только прилетели. «Как – только?» – закричал С.С. «Так лету семь часов плюс дорога, вот и все восемь! Ты же не слушаешь никогда до конца», – отвечала Маша. Ух! Слава богу! Жива и здорова, стало тепло, поговорили. С.С. утешился, лег спать, но мысли были только о своем, то есть о ней, и никакой жестокий анализ недостатков – своих и чужих – не давал возможности отбросить от себя эти хлопоты и зажечь полноценной жизнью зрелого мужчины, едущего

с ярмарки, живущего достойно, уверенно, без терзаний маразматического свойства. В голову пришла картинка, которая немного прояснила состояние, в котором он цепляется за отношения, затухающие, как свечи на ветру, привиделся стол, на котором стоит тарелка с огромными яблоками осенней антоновки, он, голодный и молодой, влетает в дом, хватается огромное яблоко и кусает его наполовину, весь рот в соку, прожевать трудно, но вскоре весь рот полыхает кислотой и радостью, а теперь не укусишь, протезы хрупкие, надо аккуратно, потихоньку, вот так и с Машей: хочется откусить сразу и много, а получается совсем по-другому, поэтому раньше съел яблоко – и забыл, а теперь смотришь, смотришь, а съесть не можешь; надкусить легонько с краю можешь, а сгрызть никак.

Дорогая пропажа

С.С. в тревожном ощущении проснулся, ночью что-то абсолютно внешнее кольнуло его, неотвязно стучало в голове еще неясно оформленное беспокойство, повод для которого открылся только к вечеру, – звонок от неизвестного абонента металлическим голосом сообщил, что пропала Маша, не вернулась с пляжа, и ее вещи нашли на скале. Сестра ее, с которой она отдельно провела день, дернулась в пять утра, когда поняла, что она не загуляла, не бухнула лишнего, а просто с ней что-то случилось. На ресепшн ее вызвал консьерж, там же был полицейский, сестре показали ее вещи, она узнала их и стала плакать, не зная, что и думать. Полицейский с помощью переводчика из бывших русских тупо спрашивал, что и когда они делали с утра, и прочую муру. Вещи нашли на горном склоне, а человека не было. Никто из отдыхающих не заметил ничего ненормального, не слышал криков в воде и на суше, не видел девушку по описанию. Никаких зацепок, никаких крючков. Сестра Маши просмотрела ее телефонную книгу и позвонила С.С., с которым она знакома не была, но знала о его существовании из смутных отрывков его с Машей телефонных разговоров. Она позвонила ему только лишь потому, что ей показалось, что он может что-то прояснить. Домой Маше сестра звонить не стала, боясь напугать родителей. С.С. принял эту новость о пропаже почти спокойно, он был готов к экстриму еще ночью и не понимал, как действовать в этой ситуации: вылететь он не мог, искать в другой стране по телефону – дело долгое. Случилось спонтанное действие, в результате которого Маша исчезла без вещей, без денег, без какой-то связи, и куда – было совершенно непонятно. С.С. спросил сестру, как они расстались утром, какие были Машины планы, и задал другие, менее значащие вопросы. Сестра сбивчиво рассказала С.С., что она поехала на экскурсию на развалины древнего городища, Маша отказалась, сказала, что будет загорать, настроение ее было нормальным, она была спокойна и ничего такого не планировала. В услышанном рассказе С.С. ничего тревожного не услышал, отсутствие Маши он никак объяснить не мог, девушка она была здравомыслящая и даже пьяная не могла сделать ничего непредсказуемого. Видимо, здесь были какие-то внешние спонтанные причины. Целый день С.С. был на взводе, изредка звонил сестре, она ничего нового не знала, только плакала. Прошла ночь. С.С. не спал, курил и мучительно искал мотивы пропажи любимой девушки, и сердце сжималось от боли и отчаяния. На следующее утро позвонила сестра и сказала, что полицейские опять вызывали ее и показывали фотографии разных мужчин восточной внешности, которые могли появиться рядом с ними в прошлые дни, но сестра их не опознала и спросила полицейских, что это за люди. Ей было сказано, что это албанцы, предлагающие русским девушкам работу в западных клубах, а на самом деле это были вербовщики притонов, криминальная публика, пугающая европейцев покруче русских. Они были жестокими беспредельщиками, и слава об их делах гремела во всей Европе. Зная Машу, С.С. понимал, что она на это не подпишется никогда и разговаривать с ними не будет. К вечеру он позвонил сестре, и она сказала ему, что русская пара из другой гостиницы видела, как яхта вошла в бухту, где загорала Маша, – она была в воде в этот момент, – с яхты подъехал скутер с двумя черными мужчинами, они покружились вокруг нее, отрезали ей путь к берегу, хохотали, вдруг один бросился в воду около нее, подпрыгнул, поднял на руки и ловко посадил на скутер.

Маша оказалась на борту яхты, которая с ходу набрала скорость и скрылась из бухты за секунды. Закричать она не успела, да и кричать было некому: в бухте в пределах видимости никого не было. Оглядевшись, она увидела, кроме этих двух, которые ее привезли, еще трех мужиков восточной наружности, они сидели за столом и пили. Говорили они на гортанном языке неместного диалекта, броситься в воду Маша не могла, ее посадили на диван возле стола, и один из них перекрывал ей выход. Они все улыбались, предлагали выпить, но Маша ни к чему не прикасалась и спрашивала то на русском, то на английском. Они смеялись и не отвечали.

Мысли Маши спутались, и она никак не могла понять, как и что случилось, что это за люди, чего они хотят от нее и куда они плывут. Она стала дергаться, вырываться, ей просто связали руки полотенцем и продолжали пить и оживленно обсуждали, как ей показалось, ее физические достоинства. Вдруг что-то изменилось в композиции – они резко замолчали, с нижней палубы появился еще один мужик, роскошный плейбой в белоснежных шортах, в майке без рукавов, с огромной цепью на груди, весь татуированный цветными наколками, с тонкой ниточкой усов и бородкой, как у пирата из фильма «Человек-амфибия». Он картинно остановился перед Машей, рассматривая ее с непроницаемым лицом. Он поздоровался с ней на русском. Акцент у него был как у азербайджанцев, которых она видела у себя в городе на рынке. Он начал спрашивать ее, кто она, откуда. Маша отвечала вяло, понимая, что, может быть, удастся договориться с ним. Он развязал ей руки, пригласил за стол, Маша решила выпить и попытаться перевести все в более спокойное русло, как-то соскочить с ситуации, которая накалялась с каждой минутой. Он что-то крикнул, и его люди свалили мухой вниз; на палубе они остались одни. Черт представился, его звали Амир, он коммерсант, отдыхает на своей лодке, бизнес у него большой и разный, заговорил о Москве, где его фирма что-то строила, назвал несколько кабаков и клубов, где он бывал в Москве, вел он себя вполне корректно, но страх не отпускал Машу ни на секунду. Она выпила уже три бокала вина, но хмеля не было, нервное напряжение не спадало. Он стал говорить ей, чтобы она не боялась, что все будет хорошо – она погостит у него на лодке пару дней, и он отвезет ее обратно, если она захочет, а если не захочет, то они поплывут на Сардинию, а потом еще куда-нибудь. Никто ее не обидит. Верилось Маше в это не очень, но она прикинула, что надо попробовать его разжалобить. Маша стала говорить, что она с сестрой, что сестра волнуется, поднимется скандал, ее будут искать, что ей надо завтра вылететь, гнала все подряд, плакала, но он был непреклонен. Они в нейтральных водах, сказал он, она может позвонить, успокоить. Она обрадовалась и попросила позвонить сестре, надеялась сказать ей, что ее украли и пусть она что-то делает. Он телефон не давал, говорил – потом, отдыхай и так далее. Через час он взял ее за руку и повел, как сказал ей, на экскурсию по лодке. Экскурсия началась в его спальне, там и закончилась. Он слегка толкнул ее на огромный сексодром с черным шелковым бельем и стал раздеваться, не глядя на нее. Когда он повернулся к ней во всей своей красе, Маша ужаснулась размеру его кинжала, по виду приближающегося к мечу японского самурая. Он сразу сказал ей, что хочет, чтобы она говорила ему слова любви и кричала, но у нее есть выбор – или так, как он хочет, или вся команда пройдет через нее, как римляне через Карфаген. Маша понимала, что эта команда ее искалечит до конца, выбрала один меч вместо семи кинжалов. Варвар взял ее грубо и жестко, и первое задание – кричать – было нетрудным, она кричала так, что чайки улетели на расстояние невидимое, слова любви не помещались в ее рту, но он резко ударил ее по лицу и требовал выполнения сценария. Режиссер он был хороший, и все у него получилось, он работал с вдохновением, и два часа кошмара Маша помнила всю жизнь во всех подробностях, все места, доступные для вторжения, были использованы жестоко. Ощущение, когда закончилось все, было ужасным, но все когда-то кончается. Он кончил и, не обернувшись, ушел наверх. Маша лежала вся в слезах и не знала, что будет дальше. Вскоре зашел один из подручных, вывел ее на палубу, без слов посадил в маленький катер, и через час они увидели бухту, где ее забрали. Она вышла на берег, повернувшись к морю, прокляла весь их род до тринадцатого колена и побрела в отель на полусогнутых ногах. Сутки, проведенные на яхте, перевернули ее жизнь, но она понимала, что жива, и помолилась сразу всем богам за счастливый исход с тяжелыми последствиями. Она поняла, что жаловаться бесполезно, надо просто ноги уносить из этого адриатического рая. Встретились с сестрой, она ей сказала, что загуляла с местным, а вещи оставила, так как пьяная была в жопу. Полиция, приехавшая сразу, обрадовалась, что проблем нет, и убралась. Маша собрала сумку, попрощалась с сестрой, поехала в аэропорт, села в самолет и позвонила С.С., что нашлась, но детали опустила, договорившись встретиться

в Москве по прилете. В самолете Маша выпила два литра вина и плакала, плакала тихо и беззвучно, закрывшись очками и платком. Встретились в аэропорту, до самолета в ее город было два часа, и они уселись в дальнем углу ресторана. Начало разговора было трудным, но С.С. потихоньку вывел ее из ступора, и она в течение часа, захлебываясь и плача, рассказала ему все до изнанки, а он молчал, бледнел, сжимал кулаки и не мог проронить ни слова. Исповедь закончилась, С.С. молчал, гладил Машу по плечам, понимал свое бессилие и начал совсем не с того, с чего надо было начинать. Он стал кричать на нее, что она дура, сама виновата, надо было лежать на пляже гостиницы, не искать тихого места, которое оказалось таким громким, и еще много, много такого, что говорить в этот момент было не нужно. Маша не возражала, смотрела на него безразлично, после исповеди сил в ней не осталось, и она не реагировала на отчаяние человека, который должен был ее просто пожалеть, а он все орал, брызгал слюной, и успокаивать нужно было его, а сил в ней не было никаких. Объявили посадку, Маша ушла. С.С. поехал домой, оглушенный рассказом. Не утешил, не согрел, а добавил боли от собственного бессилия. Маша приехала домой, сходила к врачу, слава богу, ничего плохого не нашли, стала жить с тем, что в ней произошло, ничего другого у нее внутри не было, все исчезло бесследно. С.С. она не звонила, он тоже не звонил, через три недели ее стало тошнить, она пошла к гинекологу, оказалась беременной, сделала аборт, было больно, но не так, как на яхте, чаще стала пить, становилось легче, порновидео с ее участием крутилось в голове постоянно, нынешняя жизнь отделилась от той милой и безмятежной. Надо с этим как-то жить, Маша с этим и жила. А С.С.? Ну что с него возьмешь, не герой.

Он хотел быть собакой, лежащей в метро

С.С. так устал от неопределенности в своих отношениях с Машей, что решил развязать все узлы этого мрака. Посещение психоаналитика дало кое-какую информацию, главное, что понял С.С., – не надо мучить себя сознанием, что он мешает Маше строить жизнь, ворует ее бесценное время на ожидание непонятно чего. Специалист по промыванию мозгов четко сказал, что решение Маши быть около него свободное, и никаких угрызений совести он испытывать не должен, это ее выбор, и плакать тут не о чем. Если вы, сказал доктор С.С., не готовы бросить ее, то и не надо, если готовы, то способ номер два говорит, что надо заменить Машу на Глашу (пусть хуже, не так там гладко, но все-таки энергия будет направлена в другую сторону). Хочешь позвонить Маше, звони Глаше, простая, но очень работающая схема. С.С. стал практически реализовывать советы доктора. Глаша появилась в лице инспектора энергосбыта, которая ранним утром пришла снять показания с электроприборов С.С. и в конце составления отчета измерений сняла показания со всех точек тела С.С., измерив его потенцию с полной отдачей и ответственностью. Экспромт был чудесным, жены дома не было, инспектор, женщина средних лет (бывшая бюджетница, перешедшая в энергетику), была довольна зарплатой и возможностью не тратить целый день в детском саду на муниципальных детей, а искать в течение дня приключения в домах энергопользователей, отдавая им энергию по повышенным тарифам. Легкая проституция на рабочем месте – чем не совпадение личного с интересами корпорации. Новые поклонники часто путали показания своих электроприборов для новых контактов с Глашей и сброса избыточного напряжения. С.С., как человек организованный, перевел Глашу на хозрасчет, решительно повысил свой тариф, и Глаша, постепенно понимая экономическую целесообразность, перестала давать мелким акционерам своей фирмы и полностью отдалась владельцу блокирующего пакета. Две недели С.С., увлеченный новым приобретением, путался с ней, развлекая себя и замещая немудреной любовью свою замороженную, зудящую в голове страсть, тяжелую, как чемодан без ручки, – бросить жалко, а нести невыносимо. Чемодан заменили борсеткой. С.С. никогда не любил ничего носить в руках, а тем более борсетки – этот вид кожгалантереи вызывал у него недоумение, смешанное с отвращением. Люди, несущие толстенькую сумочку под мышкой или в руках, – это было выше его понимания. С.С. все носил в карманах – ключи, деньги, документы. Две недели прошли, Глаша надоела и перешла опять на вольные хлеба. С.С. понял, что психоаналитик был прав, но частично: схема работала, но не до конца. Лежать с девушкой, замещающей любовницу, и при этом для воодушевления представлять ее Машей, – это не замещение, это маразм. Ну ладно – с женой представлять другую, это классика, но представлять девушку, которую любишь, в постели с временной пломбой в здоровом зубе – это очень продвинутое издевательство над собой. Так грустно размышлял С.С., лежа на супружеском ложе без сна, прокручивая свое кино – один и тот же фильм под названием «У самовара я и моя Маша». Фильм был старый, затертый, с царапинами и трещинами, как старое, затертое до основания портмоне, в котором, ты знаешь, нет ничего, кроме забытых использованных трамвайных билетов, но ты ищешь там пяточок, чтобы доехать до счастливой станции, ты думаешь, пяточок завалился за подкладку старого бумажника, нет его там, давно нет, да и станции уже нет – только старое портмоне, где раньше звенели новенькие пятаки. Утро не принесло облегчения, кино крутилось не переставая. С.С. решил не оставаться один, уехал в город, в солнечную осень, которой не помнил в Москве сто лет. Октябрь, солнце, люди еще сидят в открытых кафе, потепление климата чуть изменило людей – больше улыбок, больше компромиссов. С.С. шел на встречу с партнером, который уезжал и должен был отдать долг. Денег было немного, но повод был приятным. Раньше С.С. радовался, получив нечаянные деньги, а теперь нет – отравленный Амуром, он понимал, что деньги хорошо, а личное счастье лучше. Бездарно проиграв деньги, не получив

даже капли адреналина, он услышал звонок от друга задушевного, желавшего выпить с ним прямо сейчас, он тоже с утра думал о нем, все совпало. Встреча была через час, и С.С. пошел пешком со Смоленской на Тверскую – расстояние по схеме метро значительное, но он знал выверенные годами маршруты, и через двадцать минут уже сидел в незамысловатом ресторанчике с французским названием и азербайджанской кухней – вкусной и здоровой. В ресторане, слава богу, никого не было – только официанты, сидевшие на самых козырных местах и скупающие без клиентов. Новая московская мода недавних лет не платить зарплату официантам изменила эту среду: как потопаешь – так и полопаешь. Многие топали неплохо и собирали приличные деньги. Люди с рожами, на которых было написано оскорбление необходимостью прислуживать другим, особенно с бывшим высшим образованием, отбракованы жизнью безжалостно. Но гримаса советского сервиса еще встречается в лице наших соотечественников на просторах Америки и Израиля, когда с лицом оскорбленным и печалью в глазах к вам подходит девушка из Одессы или Череповца с филологическим образованием Киевского университета и с дерзкой наглостью сквозь зубы цедит вам гадости, как будто вы виноваты в нарушении мирового порядка и являетесь причиной ее целлюлита и личного несчастья, ей хочется плюнуть вам в рожу или в суп. Здесь таких персонажей не было. Мнимые бакинцы всегда хлопочут, как бабушка в выходной, когда приходят внуки, и, конечно, с благодарностью и поклонением получают честно заработанные чаевые. Еду принесли, приехал друг, выпили, стало чуть легче, посетовали друг другу на давление, на власть преступную и жадную, на безденежье, на то, что не прет в казино, скучно, а жить надо, а вот для чего? Большой вопрос. Этот вопрос всегда открыт, как двери казино. Граммов через пятьсот большой вопрос ушел на свою вечную полку, и тихая беседа двух немолодых людей вошла в иное русло. Нечего читать, сказали в один голос два человека, для которых книги с малых лет были больше, чем занятие для ума. Странное время: тысячи названий лежат в многочисленных магазинах, просторных, светлых, многокилометровые полки манят блеском полиграфии и шелухой внутри. Читать, стало быть, нечего, смотреть тоже нечего, а что делать – многолетняя привычка упиваться словом осталась, а читать нечего, вот и приходится просто упиваться да брюзжать на испытание временем. Все равно встреча была сладкой и давала ощущение, что не все потеряно, что, пока мы живы и есть силы сидеть за столом, говорить о всякой белиберде, видеть отблеск своих мыслей хотя бы в глазах одного человека, ты не так катастрофически одинок, даже при наличии семьи, детей, внуков и прочих. Мрачное настроение слегка развеялось под парами алкоголя и добрых слов друга. С.С. знал, что это временно, что придет ночь – и пауки смятения и отчаяния будут ползать в мозгах до утра, потом спрячутся на время. С.С. вспомнил, что часто наблюдал за пауком скорпионом, жившим в его доме в стеклянном гробу с ландшафтным дизайном от зоомагазина, с водой и прочими удобствами в виде камней, прудика в каменной чашке, кондиционером. Там было красиво, чисто, но пауку, видимо, было так плохо, что он сутками висел вниз головой на верхней крышке своего дома-тюрьмы, и даже когда раз в две недели ему привозили двух тараканов, он не радовался, даже не смотрел на них. Однажды летом он прогрыз сетку старого террариума и сбежал, С.С. не ловил его, все всполошились, он спрятался где-то, приезжал специалист, искал его, приманивал водой, не нашел, сказал, что может укусить, но не смертельно, дал инструкции, как его ловить, и уехал, потом уборщица нашла его под креслом. С.С. накрыл его банкой, перенес в стеклянную тюрьму, террариум поменяли на более крупный, но паук не заметил перемен, опять висит на потолке своей тюрьмы, своей VIP-зоны и пытается прогрызть выход туда, где его нет. Еще триста граммов превратили С.С. в паука из стеклянного рая, где есть все, но нет мотива опуститься на землю. Перевернутая жизнь человека-паука – вот состояние, которое определил, анализируя себя, С.С. К столь грустному выводу С.С. пришел, уже сидя за столом в одиночестве. Друга увезла на дачу жена, чтобы он не проиграл домашние деньги и не влез на какую-нибудь мерзкую бабу, осквернив при этом их высокие отношения. Закончив с выпивкой и самоидентификацией себя как паука, С.С. понял, что помогать людям

в роли Бэтмена он не будет, а вот позвонить Маше захотелось так, что, если бы ему велели отрубить за это руку, он бы согласился. Так ему показалось. Если бы реально подошел повар из кухни и показал топор, видимо, это отрезвило бы С.С., но повар в это время пил чай с земляком из Баку, и они плакали, вспоминая благословенные дни на набережной, и проклинали Горбачева и всех его родственников до седьмого колена. С.С. набрал это семизначное заклинание и стал ждать с замиранием сердца. Ждал он недолго, часа два, трубку никто не брал. С.С. слегка озверел, позвонил Маше домой с помощью смышленного официанта, который под суфлерский текст С.С. выяснил, что Маша на дне рождения подруги. Эта бесценная информация была получена у мамы с трудом, так как она не понимала, почему друг Дима из Москвы говорит с жестким кавказским акцентом и утверждает, что работает в Ленинской библиотеке. Телефон подруги мама не дала, и еще час С.С. упражнялся набором ее номера. Как всегда, пьяное воображение рисовало картины оргий с участием людей, блядей и лошадей. Три часа этого видео могли убить слух и зрение любого количества любителей жесткого порно, но С.С. был стойким и все вытерпел. Уже не веря, что контакт будет, он услышал в ответ Машин голос и стал орать на нее так, что все окрестные собаки и прохожие отбежали от него на значительное расстояние. Через пятнадцать минут первого залпа Маша вставила свои пять копеек и сказала, что забыла телефон на работе, а вот теперь заехала и, увидев его звонки, перезванивает. С.С., конечно, не поверил и пересказал ей свое порновидео в тридцатиминутном формате с новыми откровенными сценами, которые пришли ему в голову. Он орал так, что зубы и рот одеревенели, но он орал и орал не переставая. Прошел час мирных переговоров, и война была рядом. Маша не останавливала его, он сказал ей все, что он думает не только о ней, но и о ее маме, бабушке, прабабушке и даже дедушке, которого она никогда не видела, а это уже было хамство. «Не трогай дедушку», – сказала Маша. С.С. оставил дедушку в покое и сказал Маше, что он проклинает день и час их встречи, все, что у них было, все дни без исключения, что она его враг, убивает его медленно, как эсэсовская сучка, мучает его и ни минуты светлой, секунды у них не было, что он виноват перед женой за все то, что было у них, и что ничего хорошего у них не было, только беды, несчастья, неприятности, горе, болезни, мор и голод. Больше придумать клятв и заклинаний он не смог и замолчал. На той стороне тоже молчали. С.С., как интеллигентный человек, предложил возразить ему по существу. Маша молчала, С.С. настойчиво, с легким давлением остатков ненормативной лексики подтолкнул ее к процессу переговоров. Маша начала свое выступление с беседы двухнедельной давности, когда С.С., пьяный после двухдневной поездки в пансионат, позвонил и заявил, что нашел себе новую женщину, которую он любит, она без претензий, ей не надо ребенка, постоянного внимания, ему с ней хорошо и он счастлив. С.С. помнил свой пьяный бред, хотел уколоть побольнее, видимо, удалось, так как две недели телефон молчал. С.С. услышал, что он не дотерпел один день, завтра бы она ему позвонила, но предполагала, что он скажет, что ему хорошо и нечего звонить занятым людям со всякой херней. Но С.С., как всегда, не учел всего, и вот теперь он опять поливает ее дерьмом ни за что. Ей жаль, что все годы ему было так плохо с ней, что он захаркивает все, чем она жила все эти годы, что это единственное, что у нее остается от их любви, – ни ребенка, ни общего дома, ничего, только память о светлом времени, и вот теперь и этого нет. С.С. не мог говорить, устал, всего наехал пару раз, что она сама виновата, не хочет принимать во внимание обстоятельства непреодолимой силы, его нежелание идти на радикальные меры в их отношениях, это только его чрезвычайная ответственность, а не эгоизм. Это уже была старая песня, разговор исчерпал свою драматургию, и они попрощались. Через пять минут С.С. сам набрал номер, спросил, можно ли все повернуть назад, исправить, Маша твердо сказала «нет». С.С. обозвал ее сукой и тварью, она выключила телефон, сказав, что ей завтра на работу, а его пьяный бред достал ее. Последнее, что прохрипел С.С., – что он завтра приедет, убьет эту суку. С.С. ехал домой в такси и набирал Машин номер, он молчал и отвечал металлическим голосом, что абонент недоступен. Странно, но он совершенно явственно представлял себе, что это чистая

правда, раньше он никогда этого не чувствовал, но сейчас, видя реакцию Маши на его злые и жестокие слова, он пожалел, что она как-то сумела возвести стену, через которую он не может пробиться. Это мучило и злило его, доводило до иступления, он неохотно, но рационально понимал, что прежней власти над ней у него нет, любви уже той нет, но злость на то, что его бросают, отодвигают, переступают через него, была нестерпима, он мучил, истязал ее словами и своими делами, не щадил ее и думал, что так будет всегда. Нет, ей удалось что-то сделать. Боже мой, неизвестно, какой ценой эта маленькая, хрупкая, не изошренная в битвах между людьми женщина мужественно нашла в себе силы. С.С. было невозможно признать это. Он приехал домой опустошенный и яростный. Молчал, жена спрашивала его, он отвечал невпопад, не слушал, что с английским у сына и почему не звонит мама. Сидел в кухне пьяный, злой, понимающий, что делает все не так, гордился двухнедельным мужеством, когда были силы не звонить, и вот на тебе – срыв и гора дури, завалившая его с головой. Что делать, он не знал, спать не мог, решил ограничить контакт со своим абонентом – телефон был зарегистрирован на его имя, он решил отключить его и тем самым не давать своим эмоциям выхода бесконтрольно. Мера слабенькая, но утешение кое-какое было дано, сна не было, рядом безмятежно спала жена, которая даже не представляла себе, какие бури ходили поблизости. Он представил себе, как будит ее и говорит, что уходит, что любит другую, как ее раньше, без ума, без разума, любит то, что любить не должен, и в ответ слышит, что сын не переживет, что она не сможет жить одна, отвыкла быть одна, принимать решения и т. д. Отвергая этот сценарий, он задумался о себе: а есть ему место среди всех тех, за кого он в ответе, кто ответит, как быть ему, как жить дальше, кого обидеть не так больно, кого выбрать и как с этим жить? Утро не приходило, ночь душила, было страшно, принять какое-то решение было равнозначно приговору. Кто должен погибнуть, кто судья, где в этой жизни справедливость? На грани сна и бессонницы он увидел картинку: в метро на конечной станции на краю платформы лежала огромная собака, бесхозная по виду, она лежала, раскинувшись, и спала под грохот поездов и шаркающих ног и тележек. Все обходили ее – кто-то со страхом, кто-то с осторожностью, боясь наступить на нее, задеть. Никто из прохожих не знал, почему она здесь, не знал ее прошлое, ее будущее, а она спала спокойно и безмятежно, она сделала свой выбор, она что-то оставила в прошлой жизни: хозяина, удобную подстилку и полную чашку костей. Она оставила своих детей, росших уже в других домах, она выбрала свое место, она выбрала свою судьбу на платформе, где проносятся поезда с людьми, которые не могут остановиться, она была прекрасна в своем величественном спокойствии, у нее, возможно, нет будущего, но настоящее было удивительным. С.С. заснул, картина исчезла, он тоже хотел быть собакой, спящей на краю платформы.

Дроби и целое

Классик сказал, что человек представляет собой дробь: знаменатель – это то, что он думает о себе, числитель – что другие думают о нем. Если оставить математику, то в переводе на русский язык это означает, что чем хуже человек думает о себе, тем меньше он целое и больше дробь. С.С. старался всегда думать о себе хуже, чем был на самом деле, однако целое в нем было, может, маленькое, но целое, дробь в нем тоже была, но до молекулярного уровня он не делился, не мог, боялся потерять себя. За последний месяц в его жизни произошли две существенные вещи: он стал хроническим больным, потерял несколько зубов и вместе с ними стойкую зависимость от магии и наваждения. Несколько лет назад, раздробив свое целое на троих: себя, жену и Машу, – он совершенно точно понял, что его равновесие нарушилось, головокружение и полет пьянят и завораживают, но карусель раскручивает тебя, и в конце концов, потеряв координацию и опору, ты начинаешь блевать на этой карусели, оплевывая все, что раньше было важно и необходимо. Никогда С.С. не понимал природу электричества и направление движения электронов, как ни пытался. Сначала он представлял себе отряд энергетических муравьев, несущих свет и тепло, даже во сне он все это видел как сумбур, а не законы природы. Собственную жизнь он пытался описать синусоидой, где пики, взлеты и падения предопределены и фатальны. По прежним опытам он знал, что отношения имеют свою драматургию. Что для тебя сегодня важно, через день не оставляет и следа в памяти, и образ сегодняшнего кумира завтра не более чем мимолетное видение. Понять это можно, забыть нельзя, но химическая реакция прошлых отношений должна закончиться естественным способом, ее не подгонишь ни водкой, ни пулей, ни ночными пьяными слезами, дотянуть до финала, не потерять собственное лицо и не разбить чужое, ранее любимое, вот вопрос вопросов. Незнание будущего ломает сценарий заключительного акта драмы. Если все правильно рассчитать, понять, увидеть знаки, сигналы судьбы, что скоро финал, суметь, плавно сбрасывая обороты, заглушить двигатель и встать на обочине, открыть дверь и уйти пешком в поле, оставив в машине все, чем раньше дорожил – пассажира, путешествие с которым закончилось, груды ненужных вещей, которые были так необходимы в этом путешествии, клочки воспоминаний, обиды, самолюбие, прошлые радости, – все это оставить и уйти, не оборачиваясь, в никуда. Там, может быть, не будет всплесков и бурь, так желаемых недавно. Уйти до времени, когда прошлые радости и счастье будут давить на сегодняшний страх, и раздавят своим грузом, и отравят нынешние дни, и счастьем станет то, что ты просто унес ноги живым. Если ты в это время проявишь слабость, сыграешь с собой в поддавки, попытаешься обмануть себя и решительными действиями все поменять, зажить новой жизнью – это жесточайшая ошибка. Все так желаемое в свое время в настоящем не только не даст радости, а, наоборот, сведет на нет оптимистический сценарий расхождения в разные стороны, это наиболее верный путь, он даст в будущем хотя бы воспоминание, не связанное с яростью, ненавистью, а потом и просто с отращиванием к себе, – когда ты, потеряв лицо, сводил счеты с когда-то ненавистным человеком. Все сладкие сказки о цивилизованном и интеллигентном разводе двух по-настоящему любящих или любивших людей – сказки для недоумков, придуманные плохими психологами и писателями, не пережившими и малой доли того, чему выносят приговор. С.С., рассуждая обо всем этом, гордился собой вот уже целый месяц, он звонил редко, один раз пьяный и выливший в течение часа все помой на голову своей Маши, а второй – то же самое, но с меньшим энтузиазмом. Они не виделись уже месяц, С.С. завел роман с женщиной, взрослой и одинокой, которой не нужно было от него ничего, кроме его самого. От него не хотели изменения карьеры, отдыха вместе на пляже Мадагаскара, не хотели розового карапуза и ночных поцелуев по телефону из туалета под шум сливного бачка, от него хотели конкретных встреч в гостиницах, много секса и тихих перерывов между, без слез, признаний, раскаяний и прочих соплей, сопровож-

дающих так называемую любовь. Это были здоровые, конструктивные отношения, где каждый соблюдал границы и не посягал на чужую территорию. Отсутствие словесного пыла и слюней по двадцать раз на дню заменила простая телесная радость приятных друг другу людей, где есть уважение, симпатия и страсть, простая, как мычание. Была у С.С. некая неловкость какое-то время, когда химическая реакция прошлого еще бурлила, он иногда вспоминал в постели с одной женщиной другую, невольно сравнивая свои ощущения, но С.С. был просто человек, а не сплав Менделеева с Фрейдом, они давно умерли и посоветовать уже ничего не могли, и приходилось выкручиваться своими средствами. Банальность типа «время лечит» таит в себе глубокий смысл: естественный ход вещей и природные инстинкты действительно гасят костры прошлых лет, и чем дальше ты уходишь в зеленый лес, тем меньше мелькают в глазах тлеющие угли, а потом исчезают и запахи сгоревшего прошлого, новые зеленые побеги на, казалось бы, сгоревшем дереве дают надежду, что ты не в крематории и что еще не одна весна впереди. Умение рвать и не утонуть в разрывах и пропастях – это подвиг, в момент сумасшествия тебе кажется, что все кончено, больше никогда ничего не будет – ни лучшего, ни какого. Все, после этого больше не дай бог вступить на зыбкий песок, из которого ты построишь замок, а бегущая волна у тебя на глазах размочит рукотворное песчаное чудо, и вскоре на песке не остается следа того храма, за который ты готов был жизнь отдать. Если ты вчера умирал десять раз в день, звонил каждую минуту, ощущая микроскопические колебания в настроении сотворенного тобой кумира, беспокоясь каждой переменной в жизни человека, случайно (или специально) забредшего в твою жизнь, участвуя всеми своими чувствами и мыслями в чужой судьбе, то потом и сутками не вспоминал, как оно, это чудо, выглядит, что ест, с кем спит, над чем льет слезы, и это факт, не требующий доказательств. А ты в какой-то момент хотел все бросить, обидеть близких, которые не виноваты, что тебе нужны эмоции, что член твой слабеет, а вместе с тем и разум, что ты качаешь колесо, в котором уже не одна дыра, а ты все качаешь, делая вид, что давление нарастает, но воздух вышел или скоро выйдет. Ты знаешь, что камера кругом дырявая, но пока думаешь, что этого никто не видит и не слышит свист прохудившихся колес, на которых ты едешь в никуда. Наверное, эти колеса еще по инерции проедут какое-то время, но надо остановиться, чтобы не оказаться в пропасти, из которой уже нет пути назад. Остановиться, уйти, не оглядываясь, чтобы не превратиться в соляной столп, как в известной притче. Уйти без сведения счетов, без обвинений и смертных проклятий, не подсчитывая убытки и не посыпая голову пеплом. Все, что было, – было, и никто не виноват, что ночь кончилась, пришел день, сон прошел, завтра новый день, а день все-таки лучше бессонной другой ночи. Свет, и пробуждение, и надежда. Снято! Всем спасибо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.